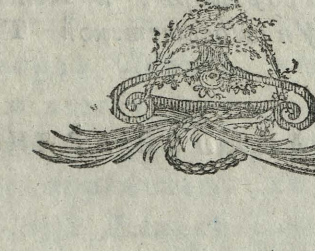
АСПАЗІЯ,

АГЛИНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Илья Раевской.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова,

1792.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Аспазія, Аглинская Повѣсть, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ, и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНДРЕЙ БРЯНЦЕВЪ.

АСПАЗІЯ.

ГЛАВА XXXIV.

Сельскія забавы.

Какъ скоро день рожденія Королевскаго прошелъ, то поѣхали въ Сунбури, гдѣ Милордъ Дервиль имѣлъ прекрасной домъ, и всегда многочисленную компанію, потому что Шарлотта никогда не забывала приглашать къ себѣ туда гостей. Сиръ Жамесъ Гавлей, какъ другъ Милордовъ, часто пріѣзжалъ къ нимъ; да и Полковникъ Говичеръ, хотя не нравился господину дома, не рѣже дѣлалъ визиты. Между различными забавами здѣсь читали и книги вслухъ для всѣхъ; сія забава вошла очень въ моду у всѣхъ господъ, живущихъ по деревнямъ; а какъ часто случалось читать комедіи въ Сунбури,

бури, то сїе подало мысль играть ихъ. Шарлотта больше всѣхъ того хотѣла; ибо ничто ея такъ не увеселяло, какъ то, чтобъ видѣть у себя множество народа и великія движенія во всемъ домѣ. Мужъ ея, будучи всегда снисходителенъ къ ея желанїямъ, выбралъ мѣсто, которое бы могло служить театральною залою, и именно въ одномъ флигилѣ дома была пребольшая комната, въ которой стоялъ прежде билліардъ; покои Аспазїины были надъ нею: здѣсь-то начали дѣлать небольшой, но прекрасной театръ. Шарлотта съ своей стороны не была также безъ дѣла; она занималась пїесами, которыя играть было должно, и выбрала прежде всего *Тайную женитьбу*. Она расположила и роли, и именно: роль Лорда Оглеба досталась Графу Карбери, Лади Аннѣ роль госпожи Гейльдербергъ, господину Траверсу роль Стерменга.

Аспазїя играла Фанни.

Милордъ Дервиль Ловуеля.

Сира Дрона Мелвиля игралъ Сиръ Жамесъ Гавлей.

А Брюша Полковникъ Говичеръ.

Много было репетицїи, и Шарлотта съ великою нетерпѣливостїю ожидала, какъ отстроятъ театръ, чтобъ назна-

значить день перваго представленія, для котораго конечно много бы съѣхалось окрестныхъ Дворянъ.

Сколько разъ говорено было о познаніи самихъ себя! *Попе* говоритъ: первое ученіе человѣка, есть человѣкъ. Но наставленіе древняго Философа лучше и полезнѣе: — познай самого себя.

Графъ Карбери, взялъ ролю Лорда Оглеба. Старой повѣса не примѣтилъ того, что игралъ очень натурально. Сатира, металась всякому въ глаза, исключая Графскихъ. Что касается до Аспазіи, то ей не непріятно было видѣть, что Милордъ Дервиль игралъ роль ея любовника; пріобыкши любить его, какъ нѣжная сестра и какъ мужа своей пріятельницы, она не предвидѣла никакой отъ того опасности. Что принадлежитъ до Сира Гавлея, то ему очень несносно было играть роль отверженнаго любовника. Шарлотта не хотя играть въ сей піесѣ, предоставила себѣ надзираніе за всѣми Актерами; и какъ день игры былъ назначенъ, то разослала всюду пригласительные билеты. Ввечеру накунѣ сдѣлана была послѣдняя репетиція; каждой былъ очень веселъ и изъявляя нетерпѣливость во ожиданіи зав-

трашняго дня, уходилъ ранѣе обыкновеннаго, чтобъ тѣмъ исправнѣе показаться поутру.

ГЛАВА XXXV.

Пожаръ.

Въ два или три часа за полночь, Милордъ Дервиль пробудился отъ весьма густаго дыма; онъ вскочилъ, ухватилъ свой шлафорокъ, и побѣжалъ въ покой жены своей, будучи увѣренъ, что загорѣлась какая нибудь часть дома. Помышленіе о дочери и Аспазіи поразило его ужасомъ; онъ открылъ окно, но что сдѣлалось съ нимъ, когда увидѣлъ огонь, стремительно выбивающейся изъ новаго театра. Вмигъ онъ полетѣлъ туда, препоручивъ Шарлоттѣ сдѣлать тревогу во всемъ домѣ. Когда прибѣжалъ онъ къ дверямъ Аспазіиной комнаты, то нашелъ, что оныя были заперты; но вспомнивъ, что можно было пройти черезъ дѣтскую, онъ бросился туда и взявъ на руки любезную малютку, свою Анну, разбудилъ кормилицу и побѣжалъ къ Аспазіи, которая ни мало не страшась опасности, спала спокойно.

Ми-

Милордъ Дервиль не могъ удержаться, чтобъ не посмотрѣть на нее съ минуту; никогда, никогда красота ея не казалась ему толь трогательною; сильное движенiе сердца едва позволяло ему дышать. Онъ позвалъ ее два или три раза, почти задыхаясь; но подкрѣпленный опасностiю, которой она подвергалась, онъ взялъ ее за руки. Аспазiя пробудилась, и увидя мущину подлѣ своей постели, громко закричала. Онъ сталъ на колѣни, и представляя маленькую Анну, для Бога говорилъ ей, вставайте поскорѣе, любезная Аспазiя, весь флигель въ огнѣ; я уйду въ дѣтскую, но не теряйте ни минуты слѣдовать за мною. Аспазiя съ просонья, и, не зная, сонъ ли то былъ, или въ самомъ дѣлѣ пожаръ, два или три раза обѣжала горницу, прежде нежели нашла во что одѣться. Милордъ Дервиль звалъ ее вновь, и она вскинувъ на себя первое платье, какое попалось, выбѣжала изъ горницы; онъ принялъ ее въ свои объятiя, и упросилъ, чтобъ не боялась, взялъ за руку съ маленькою своею Анною, и свелъ внизъ лѣсницы; а тамъ нашедши двери, они очутились на дворѣ. Тутъ принесъ онъ теплую благодарность

 не-

небесамъ, что позволили ему спасти то, что для него всего дороже было на свѣтѣ. Всѣ домашнїе встрѣчались съ ними; каждой поздравлялъ другъ друга, что избавились отъ огня, которой охватывалъ главное строенїе, и былъ столь силенъ, что казалось все пропадетъ. Успѣли однакожъ спасти лучшїя мебели, такъ какъ и картины; ни одинъ человѣкъ не пропалъ; притомъ и Милордъ Дервиль смотрѣлъ на пожаръ равнодушно, говоря самъ въ себѣ, все то, что я люблю, находится внѣ опасности.

Шарлотта, которой страхъ миновался, и которая не могла долго печалиться, начала смѣяться, смотря на Актеровъ при семъ печальномъ зрѣлищѣ. Блѣдныя ихъ лица, а особливо странной нарядъ, показались ей совершенно Комическими. Что касается до Аспазїи, то, будучи совсѣмъ въ иномъ расположенїи, она чувствовала стѣсненїе сердца и принуждена была сѣсть на каретное дышло. Держа въ рукахъ своихъ маленькую Анну, которую поручилъ ей Дервиль, она прижимала ее къ своему сердцу, и приносила благодарность небесамъ, что избавилась отъ толь великой опасно-

сности. Умилительныя слезы текли по щекамъ ея, и омывали также лице любезнаго робенка. Лордъ Дервиль подошелъ къ ней въ сiю минуту, и ставъ на колѣни передъ дочерью, какъ бы для того, чтобъ обласкать ее; превосходной другъ мой, сказалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, вы не здоровы: сей ударъ былъ слишкомъ жестокъ для вашего чувствительнаго сердца. Пойдемте, я васъ провожу въ такое мѣсто, которое покойнѣе сего и гдѣ чистой воздухъ. Вы очень добродушны, отвѣчала она; я не знаю, какъ могу изъяснить вамъ запечатлѣнную всю признательность, которую чувствую? Я принимаю ваше предложенiе, потому что нахожусь въ великой слабости и едва могу переводить духъ. Онъ взялъ ее под руку; проводилъ въ садъ и посадилъ на дерновую скамью; по томъ побѣжалъ принести ей стаканъ воды. Возвратясь, нашелъ онъ ее въ слезахъ. Вы уже помогли мнѣ, сказала она: теперь прошу васъ оставить меня. Онъ повиновался въ томъ, сколько для оказанiя почтенiя, столько и для того, чтобъ скрыть сильное движенiе души своей. Какъ скоро Аспазiи стало лучше, то она пошла съ Анною къ Милор-

ду Дервиль, которой прогуливался съ примѣтнымъ безпокойствомъ. Аспазія извиняясь въ своей слабости, сказала ему, что теперь въ состояніи пойти для свиданія съ прочими. Пришедши туда, они увидѣли, что всѣ заботятся о завтракѣ. Всякой изъ сосѣдей старался усердно снабдить нужными вещьми; но какъ нѣкоторыя постели и приборы сгорѣли, то каждой рѣшился возвратиться въ Лондонъ. Аспазія при семъ печельномъ произшествіи видѣла столько услужливости отъ Сиръ Жамесъ Гавлея, что съ удовольствіемъ изъявила ему свою признательность. Она не имѣла недостатка въ словахъ, изъяснилась безъ всякаго принужденія и замѣшательства; а между тѣмъ сей молодой человѣкъ почувствовалъ отъ сихъ обязательныхъ словъ такую пріятность, что лестная надежда овладѣла его сердцемъ.

ГЛАВА XXXVI.

Поѣздка въ Бригтонъ.

Какъ замокъ Сунбури претерпѣлъ великой вредъ, и не можно было проводить въ немъ лѣто, то положено отпра-

правиться на нѣкоторое время въ Бригтонъ. Знатные и богачи имѣютъ ту прïятную выгоду, что посредствомъ денегъ сдѣлать все по своему желанïю. И такъ у нихъ поспѣлъ домъ въ Бригтонѣ, меньше нежели въ недѣлю. Шарлотта, которая любила перемѣну, утѣшалась симъ переѣздомъ. Наканунѣ того Милордъ Дервиль пришелъ въ покои Аспазïи: она тогда читала. Онъ просилъ извиненïя, что ей помѣшалъ, присовокупивъ, что онъ бы не осмѣлился учинить того, естьлибъ не имѣлъ важнаго до нея дѣла. Она встала съ удовольствïемъ, чтобъ принять его; когда ни приходилъ онъ, то всегда сïе чувствованïе рождалось въ ея сердцѣ; но какъ она взглянула на него и увидѣла, что онъ блѣднѣлъ и дрожалъ, то несказанно тѣмъ тронувшись, спросила съ боязливостïю, что было причиною его замѣшательства? Тогда собравшись съ силами, онъ принялъ спокойной видъ и съ принужденною усмѣшкою сказалъ ей, что Сиръ Жамесъ Гавлей просилъ узнать о чувствованïяхъ ея сердца; и какъ она одна могла составить его благополучïе, то въ ея было власти однимъ словомъ сдѣлать его щастливѣйшимъ, или самымъ нещастнымъ

нымъ человѣкомъ. Я бы хотѣлъ, прибавилъ онъ, пощадить себя. . . . . избавить васъ. . . . отъ своего разговора. Я начиналъ многія письма о сей матеріи, но ни однимъ не былъ доволенъ. Мнѣ надлежало исполнить по всей возможности препорученіе моего друга. Я увѣрялъ его, что не надѣялся на свое краснорѣчіе; но онъ просилъ меня усильно подкрѣпить любовь его моимъ стараніемъ. Вы знаете Аспазія, что сей другъ мнѣ дорогъ, какъ то я и показываю самымъ опытомъ, взявшись стараться за него, передъ такою дѣвицею, которой, по моему мнѣнію, никто въ свѣтѣ не можетъ быть достоинъ. Сіе привѣтствіе принудило закраснѣться Аспазію. Она сдѣлала небольшую уклонку; но не могла отвѣчать.

Милордъ Дервиль началъ по томъ выхвалять Сиръ Жамеса съ благородною вольностію, ему свойственною. Онъ ввѣрилъ мнѣ, говорилъ онъ, драгоцѣнную тайну своего сердца, зная дружбу, которой вы меня удостоиваете. Позвольтежъ мнѣ воспользоваться ею и просить васъ о снисхожденіи къ его нѣжности? Я довольна Сиръ Жамесомъ Гавлемъ, сказала Аспазія, что онъ открылъ

крылъ вамъ свои чувствованія; сіе облегчаетъ отвѣтъ, которой я ему дать должна. Пріобыкши почитать васъ нѣжнымъ и снисходительнымъ братомъ, я могу сказать вамъ, что моя довѣренность къ вамъ будетъ во всякое время неограниченна. Милордъ, ни мое почтеніе къ Сиръ Жамесу, ни свѣдѣніе о его добрыхъ качествахъ, не могутъ позволить мнѣ соотвѣтствовать его чувствованію! Я вижу все его достоинство, люблю какъ вашего друга, но довольно ли сего, чтобъ дать ему и сердце и руку? Нѣтъ, Милордъ, чѣмъ больше разсуждаю о супружествѣ, тѣмъ больше все меня увѣряетъ, что благополучіе притомъ зависитъ отъ соединенія душъ. Любить одного и любить искренно: одно сіе можетъ склонить чувствительную женщину ко вступленію въ супружество. Я ни мало не имѣю подобныхъ чувствъ къ Сиръ Жамесу. Ахъ! пусть небеса перемѣнятъ его сердце, и доставятъ ему особу, достойную его любви! Скажите ему, Милордъ, что отъ всего сердца желаю ему благополучія, и употребите все свое краснорѣчіе, чтобъ ему неоскорбителенъ показался отказъ мой. О! вскричалъ Милордъ Дервиль, кто мо-

жетъ слышать васъ и вамъ не удивляться! Бѣдной Гавлей! я отпишу къ нему, я не могу съ нимъ теперь увидѣться. Но скажите мнѣ, любезная Мисъ Гамбури, два мѣсяца уже, какъ вы отказываете лучшимъ женихамъ; вы видѣли ихъ всякаго возраста и состоянія подъ игомъ вашихъ прелестей и достоинствъ: скажите, какъ можно, чтобъ ваше сердце было всегда хладнокровно и нечувствительно? Ахъ! это не можетъ статься. При сихъ словахъ онъ удалился, и, ходя взадъ и впередъ по другой половинѣ горницы, говорилъ самъ себѣ: какое я имѣю право дѣлать такіе вопросы? Могу ли желать, чтобъ она отвѣтствовала? Въ настоящемъ моемъ положеніи лучше не знать ничего.

Онъ подошелъ къ Аспазіи, будучи сильно растроганъ, и взявъ ея руку, сказалъ: будьте спокойны, любезной другъ, тайны вашего сердца будутъ для меня священны; я никогда не буду стараться узнать ихъ противъ воли вашей. — Аспазія, не находя ничего, чтобъ открыть ему, не знала что отвѣтствовать; но видя, что Милордъ былъ въ великомъ волненіи, сказала: все, что я могу вамъ сказать, есть то, что не дамъ никому слова, не посовѣтовавъ о томъ

съ

съ вами. Я думаю однакожъ, что никогда не выду за-мужъ, или должно, чтобъ слишкомъ переменился образъ моихъ мыслей. И такъ не остается никакой надежды моему другу, сказалъ Милордъ? Такъ, сударь, конечно никакой. Я васъ прошу уверить его въ томъ.

Онъ хотелъ было отвечать, но его смущенiе возрастало часъ отъ часу; онъ низко поклонился и вышелъ изъ горницы. Аспазiя сама не въ меньшемъ была волненiи. Желанiе Милорда соединить ее съ своимъ другомъ, заставило ея бояться, чтобъ онъ не огорчился ея отказомъ. Безъ сомненiя сiе супружество было очень выгодно. Дружба, которую съ нимъ имелъ Милордъ Дервиль, обязывала его всеусердно желать онаго. И такъ ее тревожила сiя мысль, не огорчила ли его. Она бы все сделала для сего чувствительнаго друга, выключая того, чтобъ дать свою руку Сиръ Жамесу. Боже мой! говорила она, помоги прiобресть опять почтенiе Милорда: безъ того, безъ его дружества я не могу жить. Когда я буду въ уединенiи, то сiе одно будетъ составлять мое благополучiе. Естьли я тамъ могу принять Шарлотту и ея мужа два или три раза въ году,

ду, то какъ не быть мнѣ довольной. За долго передъ тѣмъ буду радоваться ихъ посѣщенію, и послѣ того пріятность, сообщенная всѣмъ предметамъ, меня окружающимъ, не будетъ ли еще утѣшать меня?

ГЛАВА XXXVII.

Прогулка.

Пріѣхавъ въ Бригтонъ, Аспазія съ удовольствіемъ увидѣла, что Дервиль ни мало на нее не досадовалъ за отказъ его другу. Будучи спокойна съ сей стороны, она ни о чемъ больше не думала, какъ только, чтобъ наслаждаться лестнымъ его дружествомъ.

Первое увеселеніе, представившееся ей въ семъ мѣстѣ, состояло въ прогулкѣ по морскому берегу. Шарлотта изъявила великую нетерпѣливость показаться тамъ, будучи увѣрена, что найдетъ много людей на берегу; ибо тамъ всѣ обыкновенно прогуливались. Прежде всѣхъ увидѣли они тамъ Лади Марсденъ и Полковника Говичера. Легко было можно примѣтить, что Шарлотта надѣялась съ нимъ увидѣться; но что она

очень

очень осердилась, что Полковник, ходилъ съ сею дамою. Аспазія примѣтивъ въ ней такую ревность, истинно огорчилась. Сіе утвердило ея въ мысляхъ, что она предпочитала ея другу Полковника, которой очень мало достоинъ былъ предпочтенія, не упоминая о пагубныхъ слѣдствіяхъ, которыя могли произойти отъ того. Лади Марсденъ была весьма богатая молодая вдова, и не имѣла недостатка въ разумѣ; но по вѣтренности своей часто презирала нужныя предразсудки, хотя и не примѣчала того. Она обрадовалась, увидѣвъ Шарлотту, и сказала ей въ полголоса, что пріѣздъ ея доставлялъ ей двойное удовольствіе: говорить съ нею, и то, чтобъ избавится отъ Полковника, которой ей смертельно наскучилъ. Шарлотта думала, что онъ будучи совершенно занятъ ею, не могъ нравится сей госпожѣ, и сія мысль опять ее развеселила; а особливо, когда онъ подошедши къ ней, нашелъ средство ея успокоить. Какъ сія компанія не очень была пріятна для Аспазіи, то она удалилась нечувствительно, чтобъ въ уединеніи наслаждаться видомъ Океана. Сіе зрѣлище исполняло ея сердце превосходными чувствами. Никогда при-

 рода

рода не казалась ей толико величественна, какъ въ сію минуту. Она сѣла при подошвѣ каменнаго утеса, и, устрѣмивъ глаза свои на волны, сдѣлалась какъ бы неподвижна, и даже не примѣтила, что теперь было время прилива, которой къ ней стремительно приближался. По щастію пришелъ къ ней Милордъ Дервиль и увѣдомилъ о опасности, которой она подвергалась. Она тотчасъ встала, поблагодаривъ усердно за участіе, которое принималъ онъ въ ея жизни. Они пошли по томъ вмѣстѣ. Аспазія все еще взирая съ ужасомъ на сію неизмѣримую стихію, дѣлала многія разсужденія о высокомѣріи тѣхъ людей, которые отправляли по морю великія богатства изъ одной страны въ другую. Посредствомъ сего также, присовокупила, изгнанной любовникъ и плѣнная дѣвица получаютъ тысячи утѣшеній. Милордъ Дервиль съ восхищеніемъ слушалъ ея, ощущалъ въ своемъ сердцѣ всѣ чувствованія, которыя выражали прекрасныя ея уста: онъ желалъ бы охотно слушать ея во всю свою жизнь. Надлежало однакожъ возвратиться къ товарищамъ, которые вошли въ городъ ѣсть мороженое, а оттуда сбирались ѣхать на балъ.

Обык-

Обыкновенныя увеселенія въ Бригтонѣ были балы, конскія ристанія и гулянья. Сія жизнь очень показалась Шарлоттѣ, и она разъѣзжала всюду и всегда съ Полковникомъ Говичеромъ.

Тотъ, кто не любитъ своей жены, не можетъ ревновать въ разсужденіи ея любви, но онъ всегда ревнивъ въ разсужденіи своей чести; при всемъ своемъ презрѣніи къ Полковнику съ огорченіемъ видѣлъ сколь занята была имъ Шарлотта. И такъ онъ осмѣлился ей однажды сказать, но съ великою нѣжностію, что удивлялся, сколь мало печется о своей чести, показываясь всюду съ такимъ человѣкомъ, каковъ Полковникъ, и что сіе одно могло ее обезславить. Я думаю, отвѣчала Шарлотта съ сердцемъ, не тѣмъ ли напередъ поправить свои поступки, которыя занимаются поступками другихъ. Сей выговоръ ни мало не тронулъ Милорда Дервиля; сердце его было непорочно: ибо онъ ни въ чемъ не проступился передъ своею женою. Что касается до чувствованія, наполнявшаго его душу, то онъ былъ въ немъ не властенъ; но его взгляды и поступки были всегда столько осторожны, что не могли подать Шарлоттѣ ни малѣй-

шаго подозрѣнія, или безпокойства. Впрочемъ холодность ея къ нему увѣряла его, что она не станетъ примѣчать его привязанности къ Аспазіи. И такъ онъ заключилъ, что одно противорѣчіе внушало ей тотъ пылкой отвѣтъ, которой она ему сдѣлала; но онъ обманулся. Графъ Карбери былъ тайною пружиною всѣхъ ея дѣйствій. Употребивъ безполезно всѣ способы понравиться Мисъ Гамбури, началъ онъ съ досады присматривать за сею невинною красавицею, которая будучи чистосердечна и чувствительна, не думала скрывать нѣжнаго дружества къ Дервилю. Онъ не оставилъ высказать сего Шарлоттѣ, не для того, чтобъ могъ надѣяться что нибудь чрезъ то выиграть; но изъ одного удовольствія вредить другимъ, которое для сего злаго человѣка сдѣлалось нѣкоторымъ родомъ благополучія. Лади Дервиль не опечалилась, получивъ такое извѣстіе; она не имѣла такихъ свойствъ, по которымъ бы могла заключать о свойствахъ своей пріятельницы; будучи беспристрастна къ мужу своему, она сочла выгоднымъ для себя, что онъ занялся другую женщиною; ибо чрезъ то надѣялась имѣть

больше вольности въ своихъ поступкахъ. Графъ Карбери не удовольствовался тѣмъ, что высказалъ все Шарлоттѣ: онъ искалъ случая увидѣться съ Сиръ Жамесомъ Гавлеемъ, и нашедши оной, излилъ ядъ въ его сердцѣ, увѣдомивъ его, что Дервиль, его сынъ, называясь его другомъ, поступалъ вопреки дружеству; что онъ любилъ Аспазію и былъ любимъ взаимно, и что не для инаго взялся стараться за него, какъ, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе она отказала ему. Сиръ Жамесъ, будучи не въ состоянїи разсуждать съ холодностїю въ разсужденїи своей молодости, видѣлъ одни хитрости и измѣны въ своемъ другѣ; онъ разгорячился до чрезвычайности, и клялся никогда съ нимъ не видаться. Я удалюсь, говорилъ онъ, отъ мѣстъ, представляющихъ мнѣ одни мученїя. И такъ, другъ мой, тотъ, на котораго полагалъ я всю мою надежду, меня обманулъ! Неблагодарной! пусть мучитъ его угрызенїе совѣсти; такъ! душа его будетъ терзаться оными, но я, нещастный! я долженъ презирать того, которой столько лѣтъ былъ мнѣ любезенъ, того, котораго почиталъ добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ!

 Графъ

Графъ Карбери оставилъ его въ отчаянїи и удалился, будучи очень доволенъ, что поссорилъ двухъ друзей. Онъ не зналъ еще, какая будетъ ему отъ того польза, но предполагалъ употребить всѣ средства, чтобъ достать Аспазїю.

ГЛАВА XXXVIII.

Прогулка по морю.

Милордъ Дервиль подарилъ нашей Героинѣ очень хорошей телескопъ, которой приносилъ ей великое удовольствїе, потому что могла она вдали различать корабли. Но мнѣ хотѣлось бы, сказала она, видѣть ихъ поближе. Сего не должно желать, отвѣчалъ онъ, потому что они бы подверглись великой опасности; а естьли вы хотите неотмѣнно имѣть свѣдѣнїе о кораблѣ, то мы можемъ на шлюпкѣ подъѣхать къ нему. Я увѣренъ, что Шарлотта охотно сїе приметъ. И въ самомъ дѣлѣ она съ удовольствїемъ на то согласилась, желая, чтобъ мужъ ея позабылъ небольшую досаду, которую она ему сдѣлала. Милордъ Дервиль поѣхалъ нанять шлюпку и госпожи обѣщались точно съ

нимъ

нимъ ѣхать. Пришедши къ морскому берегу, Лади Дервиль показалась объятою чрезвычайномъ страхомъ; она сказала, что никогда море не казалось ей столь ужаснымъ, какъ въ сію минуту. Аспазія отвѣчала, смѣючись, что стоило только возвратиться домой, и не думать больше о поѣздкѣ; но ея пріятельница увѣрила ея, что, не смотря на всѣ свои страхи, взошла бы въ шлюпку, естьлибъ не захотѣла она ѣхать съ Милордомъ Дервилемъ на корабль. Послѣ нѣкоторыхъ учтивыхъ споровъ Аспазія не находя въ томъ ничего непристойнаго, согласилась ѣхать и одна. Они скоро приплыли къ кораблю, и Аспазія слушала со вниманіемъ все то, что расказывалъ ей Милордъ. Сей обширной и новой предметъ занималъ ея совершенно, какъ Дервиль смѣючись, спросилъ у кормчаго: во сколько времени можно пріѣхать въ Діепъ. Съ такимъ вѣтромъ, какой теперь начинается, отвѣчалъ кормчей, мы легко можемъ пріѣхать туда въ двѣнатцать часовъ. Какъ бы выдумали, предпріялъ Дервиль, не сдѣлать ли намъ небольшей прогулки во Францію? Она слушала безъ вниманія сіе предложеніе, но вѣтръ, о которомъ говорили, казалось безпокоилъ

ея. Не смотря на то, матросы уверили ея, что бояться было нѣчего: то она ободрилась и прежней разговоръ возобновился. Милордъ Дервиль сдѣлавъ описанïе о Женевскомъ озерѣ, спросилъ у нее: не читалаль она Руссовой Элоизы? Читала, былъ ея отвѣтъ, и очень удивлялась превосходству его краснорѣчïя. Тутъ припомнилъ онъ Мельерискïе утесы, съ которыхъ Сентъ-Пре послушался низвергнуться съ Юлïею въ волны озера. Онъ произнесъ сïе приключенïе на Французскомъ языкѣ совсѣмъ жаромъ любовника, и охвативъ ее одною рукою, не произвольно прижалъ къ своему сердцу. Сïе нечаянное движенïе произвело въ ней ужасъ. Я читала сïежъ приключенïе на Французскомъ языкѣ; но не люблю ни говорить объ немъ, ни слушать его. Сей дальней попрекъ привелъ его въ самого себя; онъ опустилъ голову и замолчалъ.

Между тѣмъ вѣтръ очень усилился, и небо покрылось тучами. Милордъ Дервиль боясь и тѣни опасности въ разсужденïи любезнаго своего товарища, сказалъ матросамъ, что уже время было возвратиться къ берегу. — Сколь ни искусны были они, но тщетно упо-

употребляли долгое время свои усилія. Аспазія пришла въ неописанной страхъ. — Съ трескомъ раздавались громовые удары, волны безпрестанно покрывали судно, порывистой вѣтръ препятствовалъ гресши. Дервиль былъ въ отчаяніи и было трудно ему скрыть сіе; онъ винилъ самъ себя, что столь безразсудно подвергнулъ опасности свою любезную Аспазію. Что касается до нее, то сколь ни робѣла, старалась однакожъ его утѣшить; ваша печаль, говорила она ему, больше меня сокрушаетъ, нежели опасность Одно мое любопытство тому насъ подвергло, вы ни мало не виноваты. Колебаніе шлюпки такъ было сильно, что Дервиль принужденъ былъ держать Аспазію. Онъ прижалъ ее къ своему сердцу и вскричалъ: Боже мой! Боже мой! спаси Аспазію, Пусть волны пожрутъ меня, но пусть она избавиться.

Успокойтесь, сказала она голосомъ перемѣнившимся отъ страха. Вотъ земля мы скоро до нее достигнемъ. Не правда ли, сударь, оборотясь къ кормчему, что мы скоро пристанемъ къ берегу? Хотя мы и близко, отвѣчалъ онъ, но не можемъ достигнуть его, ибо я не думаю, чтобъ наша шлюпка могла устоять противъ

волнѣ морскихѣ. Боже мой! вскричала Аспазія, ставѣ на колѣни, и поднявши руки кѣ небесамѣ, что будетѣ сѣ нами? Она лишилась вѣ сію минуту почти всѣхѣ чувствѣ. Дервиль, внимая только своему отчаянію, бросался подлѣ нее, и взявѣ ее вѣ свои объятія, произнесѣ стремительно: такѣ Аспазія мы умремѣ, но умремѣ вмѣстѣ. Онѣ осыпалѣ поцѣлуями ея блѣдное лице, стараясь возвратить ей жизнь, потому что она пришла уже вѣ совершенное безпамятство. Онѣ снялѣ сѣ нее галстугѣ и косынку, чтобѣ тѣмѣ легче можно было дышать ей. И сколь же опасна была кросота ея вѣ сіи грозныя минуты. Будучи пораженѣ чрезвычайною горестію, могѣ ли тогда ее разсматривать? Наконецѣ сверхѣ всякаго чаянія они достигли одной небольшой гавани, вѣ двѣнатцати миляхѣ отѣ Бригтона. Тутѣ взялѣ онѣ на руки Аспазію и отнесѣ вѣ одну хижину, находившуюся на берегу морскомѣ. Вѣ ней жила бѣдная женщина; онѣ спросилѣ у ней не было ли чего, чтобѣ помочь сей прекрасной дѣвицѣ; она подала ему водки: другаго ничего у ней не было. Сѣ великимѣ трудомѣ пропустилѣ онѣ нѣсколько капель ей вѣ ротѣ. Сей напитокѣ топ-

тотчасъ привелъ ее въ чувства, и она открыла глаза; въ радостномъ восторгѣ онъ кинулся къ ея ногамъ и осмѣлился поцѣловать ее, благодаря небо громкимъ голосомъ, что сохранило оно ему ту женщину, которая была всего драгоцѣннѣе для его сердца. Скромная Аспазія устрашилась такихъ выраженій; она вырвала у него свою руку, и, примѣтя безпорядокъ въ своей одеждѣ, сказала ему: оставьте меня, подите прочь, сударь. Боже мой! до чего довела меня моя глупость. Она отворотилась и упала въ слезахъ; по томъ вынувъ изъ кармана платокъ, накинула себѣ на шею. — Я очень нещастливъ, вскричалъ Дервиль, я достоинъ вашего гнѣва! Ахъ! естьлибъ вы могли видѣть Аспазія мое ужасное отчаяніе въ ту минуту, когда была въ опасности ваша жизнь, то бы вы конечно были ко мнѣ снисходительнѣе. Никогда человѣкъ не терпѣлъ такого мученія; повѣрьте, естьлибъ было въ моей власти, то я бы скрылъ отъ васъ излишнюю мою нѣжность; но почемужъ, сударыня, она для васъ оскорбительна: не столь же ли она чиста, какъ и предметъ ея? Что можетъ быть для меня драгоцѣннѣе чести Мисъ Гамбури? Есть-

Естьли я могъ оскорбить ее когда либо, то пусть скажетъ она одно слово, я навсегда удалюсь отъ глазъ ея! Такъ, сударыня, нещастной Дервиль, не щадя своей жизни, будетъ стараться доставить вамъ благополучіе и покой! Аспазія, тронутая его раскаяніемъ простила ему, прося притомъ, чтобъ онъ не забылъ впредь, чѣмъ былъ обязанъ ей и самому себѣ! Онъ клялся, что будетъ ей повиноваться и вышелъ изъ хижины за лошадью, на которой бы доѣхать въ Бригтонъ; и какъ скоро сыскалъ ее, то въ тужъ минуту поскакалъ домой. По пріѣздѣ своемъ, послалъ карету съ Катериною за Мисъ Гамбури въ препровожденіи одного вооруженнаго служителя для большей безопасности; онъ хотѣлъ даже, чтобъ Шарлотта сама поѣхала за своею пріятельницею; но сія не показала къ тому охоты. Карета возвратилась съ Аспазіею, не прежде оставившею хижину, какъ послѣ награжденія доброй женщины, которая почла себя разбогатѣвшею отъ такого посѣщенія: ибо Милордъ Дервиль при отъѣздѣ своемъ далъ ей четыре гвинеи, препоручивъ имѣть всевозможное попеченіе о дамѣ, которую оставлялъ у нея.

ГЛАВА XXXIX.

Сельской праздникъ.

Аспазія по возвращеніи въ Бригтонъ была положена въ постелю, въ которой великая слабость и небольшая лихорадка задержали ее нѣсколько дней; а какъ Докторъ приказалъ, чтобъ дали ей покой, то Шарлотта очень рѣдко ее посѣщала. Что касается до Дервиля, то его безпокойство было неописанно; но онъ не осмѣливался просить свиданія съ Мисъ Гамбури; онъ довольствовался тѣмъ, что посылалъ очень часто людей для освѣдомленія о ея здоровьѣ. Ахъ! говорилъ онъ, естьлибъ болѣзнь ея вымышлена только для того, чтобъ не видать меня; естьли она боится моего присутствія? Но чегожъ мнѣ страшиться? Развѣ не вѣдаетъ она, что однимъ словомъ можетъ преселить меня на край вселенныя? Одна ея воля не будетъ ли всегда правиломъ моихъ поступокъ? Я могу повиноваться ей во всемъ; но пусть только она не будетъ столь жестока, чтобъ мнѣ изгнать ее изъ своего сердца. Ахъ! всѣ старанія о томъ были бы безполезны; въ томъ состоитъ единственное мое благополучіе на землѣ, чтобъ

обо-

обожать ее. — Шарлотта, за которою мужъ совсѣмъ почти смотрѣть оставилъ, предалась неумѣренно всѣмъ городскимъ веселостямъ; и какъ Полковникъ не отставалъ отъ ней, то сїе подало поводъ ко многимъ толкамъ въ разсужденїи ея поведенїя. Милордъ Дервиль, пробужденный тѣмъ, что дошло до ушей его, счелъ долгомъ еще поговорить ей о ея неразумїи. Вамъ извѣстно, любезная Шарлотта, говорилъ онъ, какую осмотрительность должна имѣть женщина вашихъ лѣтъ? Я уже открылъ вамъ свои мысли о Полковникѣ, а со мною и всѣ честные люди согласны въ томъ, что онъ человѣкъ безъ правилъ и совершенной наглецъ, да и Лади Марсденъ не лучшей для васъ товарищъ! Естьли вы не будете поступать впредь поосторожнѣе, то я конечно принужденъ буду оставить Бригтонъ. — Я не уважаю, отвѣчала она, сужденїя публики, кто неподвергнулся худымъ толкамъ? Для меня довольно того, когда я ни въ чемъ не могу упрекнуть; пусть всякой думаетъ и поступаетъ такъ, какъ я, и все пойдетъ хорошо. Объясните, что вы хотѣли сказать, прервалъ мужъ ея съ жаромъ. Она пришла въ замѣша-

тель-

тельство. Графъ Карбери сдѣлавъ ей ложное внушенїе, препоручилъ особливо никому не открывать того; и такъ Шарлотта стала жаловаться, что не получаетъ удовольствїя ни въ одномъ изъ своихъ желанїй. Я очень увѣренъ, сударыня, что сердце ваше чисто и непорочно; но сего не довольно, потому что свѣтъ не можетъ иначе судить объ насъ, какъ только по наружности; и такъ выборъ знакомыхъ заслуживаетъ великаго вниманїя какъ потому, что онъ подаетъ хорошее объ насъ мнѣнїе, такъ и потому, что можетъ имѣть на насъ самихъ влїянїе. Я прошу васъ для сего, какъ возможно рѣже видаться съ Полковникомъ; естьли вы не хотите имѣть сей осторожности для себя, такъ имѣйте оную по крайнѣй мѣрѣ для меня, для своей дочери; пусть она съ лѣтами слышитъ только одни похвалы о своей матери, и не узнаетъ никогда, что можно было попрекнуть ей въ чемъ нибудь. Сверхъ того я васъ прошу усильно не ѣздить на приготовляемой праздникъ. Я знаю, что вы уже приглашены къ тому, но онъ будетъ данъ такими людьми въ Бригтонѣ, которыхъ поступки не позволяютъ честной женщинѣ быть

вмѣ-

вмѣстѣ съ ними! Послѣ сего представленія онъ оставилъ Шарлотту, которая досадуя на него, и пылая мщеніемъ, пошла къ Аспазіи и расказала ей все то, что говорилъ ей мужъ, жалуясь притомъ, что онъ поступилъ съ ней крайнѣ грубо.

Аспазія, чувствуя внутренно, что Дервиль былъ правъ, старалась всячески, чтобъ то почувствовала ея пріятельница. О! я очень знала, сказала она, что вы будете его мнѣнія. Но успокойтесь пожалуйте, отвѣчала Аспазія, вы теперь не въ состояніи судить хорошо о вещахъ! ваше огорченіе въ томъ препятствуетъ. Я сужу очень хорошо, сказала Шарлотта, но всегдашнее противорѣчіе несносно для меня. Пойдемте вмѣстѣ со мною попросить Дервиля, чтобъ онъ меня отпустилъ на праздникъ. Онъ не можетъ вамъ ни въ чемъ отказать и согласится на то, какъ скоро вы попросите.

Не принуждайте меня, любезная Шарлотта, дѣлать то, что право непристойно. Я навѣрно пойду съ вами, и надѣюсь прекратить небольшой раздоръ вашъ съ мужемъ. Но подумайте, сколь несправедливо нарушать покой семейства

для

для скоротечныхъ забавъ, для минутной веселости. Я не могу удержаться, чтобъ не сказать вамъ, что вы избрали друзей, которые васъ недостойны. Покой семейства, вскричала Шарлотта, какая это скука! Развѣ не должно ни съ кѣмъ видѣться, кромѣ своего мужа, чтобъ быть почтенною женщиною? Она взяла подъ руку Аспазїю и такимъ образомъ сошла въ залу, гдѣ нашли Милорда Дервиля. Онъ очень обрадовался увидѣвъ нечаянно Мисъ Гамбури; съ недѣлю уже, какъ онъ былъ лишенъ ея присутствїя, и сїя минута принесла ему величайшее удовольствїе. Что касается до Аспазїи, то она поражена была перемѣною, которую примѣтила въ лицѣ его. Вдругъ пришли сказать, что господинъ Траверсъ прїѣхалъ изъ Лондона, и сїе помѣшало имъ изъясняться. Но Шарлотта примѣтивъ, что мужъ ея былъ очень веселъ, льстила себя надеждою, что онъ не будетъ стоять въ своемъ отказѣ, и что на завтра она поѣдетъ на праздникъ. Вскорѣ наѣхало довольно гостей и вечеръ прошелъ очень хорошо; но какъ Аспазїя еще была нѣсколько слаба, то ушла отъ нихъ въ одиннатцать часовъ. На другой день Ми-

Милади Дервиль съ самаго утра начала заниматься праздничнымъ платьемъ. Мужъ ея увидѣвъ ея зборы, повторилъ ей свою прозьбу, чтобъ не ѣздила на балъ, и говорилъ ей, что господинъ Траверсъ, его дядя, довольно увѣрилъ его, что мало тамъ будетъ истинныхъ женщинъ; что, естьли она туда не поѣдетъ, то онъ всячески постарается замѣтить ей сїю слабую жертву. Нѣтъ, сказала она, цѣлой свѣтъ не въ силахъ того сдѣлать, чтобъ я туда не поѣхала.

Аспазїя, которая была тутъ, просила ее разсудить о несправедливости произнесенныхъ ею словъ; но она съ надменностїю и гордостїю стояла въ своемъ мнѣнїи. Тогда Милордъ Дервиль, прямо раздраженной ея упорствомъ, сказалъ ей, что, естьли она рѣшилась поступать противъ его воли; то онъ не споритъ, но только совсѣмъ оставитъ, какъ ее, такъ и весь домъ. Аспазїя объятая страхомъ при сихъ словахъ, схватила за руку Шарлотту, и, обливая слезами, усильно просила ее не подвергать такимъ образомъ опасности своего благополучїя; но сїя, вмѣсто всякаго отвѣта, взглянула на нее съ презрѣнїемъ.

Меня не трогаютъ, сказала она, такія слова, и чтобъ ни случилось, я сдѣлаю то, чего хочу. Въ сію минуту карета Лади Марсденъ остановилась у воротъ, тогда она оборотясь къ Аспазіи, сказала: благодарю васъ за посредничество; успѣхъ того мнѣ напередъ былъ извѣстенъ и слѣдовательно тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; но какъ можетъ быть я не получу столь хорошаго случая изъясниться, какъ теперь, то должна вамъ сказать, да и справедливость меня къ тому принуждаетъ, что прежде вашего здѣсь пребыванія никогда Милордъ не поступалъ со мною дурно: напротивъ того онъ всегда любилъ меня; но съ того время, какъ вы пользуетесь его благосклонностію, то за самыя бездѣлки сталъ обвинять меня. Сказавъ сіе, она побѣжала къ воротамъ на встрѣчу Лади Марсденъ. Постойте, постойте Шарлотта! вскричалъ мужъ ея: я требую, чтобъ вы объяснились; но она ушла, не сказавъ ни слова и тотчасъ сѣла въ карету. Аспазія осталась какъ пораженная громовымъ ударомъ. Боже мой! наконецъ вскричала она, и я могла дожить до такого посрамленія! Дервиль подошелъ къ ней. О! Мисъ Гамбури,

можете ли вы простить меня, когда вы столь безвинно обнесены за мою любовь къ вамъ? Сдѣлайте милость успокойтесь: ваши слезы терзаютъ мое сердце! Какъ? развѣ упреки безразсудной твари могутъ трогать васъ до такой степени? — Аспазія встала и хотѣла было выттти, но Дервиль ставъ передъ нею, сказалъ, ради Бога не оставляйте меня, любезнѣйшая Мисъ, не приводите меня въ отчаяніе, а иначе я не ручаюсь за себя. Ахъ! позволь, чтобъ я у ногъ твоихъ испросилъ себѣ пощаду. Знаю, что я виноватъ, потому что не могу скрыть отъ васъ моей любви; мнѣ бы должно было горѣть безнадежною страстію и молчать. Но въ то время, какъ она стала для васъ ощутительна, зналъ ли я что говорилъ, и что дѣлалъ? Смертельный ужасъ не истребилъ ли во мнѣ рузсудка? и послѣ того, какъ продолжительная ваша болѣзнь скрывала васъ отъ глазъ моихъ, могъ ли я хотя на минуту быть спокоенъ? — Шарлотта то слишкомъ примѣтила. Я не могу васъ болѣе слушать, вскричала Аспазія, пустите меня, сударь; пустите меня въ мою комнату! Разсудокъ и благоразуміе требуютъ того, чтобъ я васъ убѣгала.

кала. Я надѣюсь доказать Лади Дервиль, что она несправедливо обо мнѣ думаетъ, и по томъ удалюсь навсегда изъ того дому, въ которомъ по нещастію я сдѣлалась причиною раздора. Какъ? Не ужъ ли въ послѣдній разъ я васъ вижу? — О! Мисъ Гамбури, не питайте по крайней мѣрѣ невыгодныхъ мыслей о вашемъ другѣ? Сдѣлайте милость выслушайте меня, и тогда судите о моей участи? Тутъ началъ онъ пространно говорить о своей женидьбѣ, описалъ ей искренное желаніе, которое имѣлъ въ разсужденіи того, чтобъ сдѣлать Шарлотту постоянною; расказалъ все то, что дѣлалъ для снисканія ея любви, но что наконецъ узналъ, что она никогда не могла составить его щастія; что тогда предался онъ свѣту и разсѣянности, надѣясь получить нѣкоторое удовольствіе отъ таковой жизни. Среди сихъ обманчивыхъ заблужденій, я увидѣлъ васъ Аспазія, и моя душа стала вамъ на всегда подвластна. Припомните ту голубую домину. . . . Какъ! сказала она съ удивленіемъ, то были вы. . . . Такъ, я нарочно былъ въ доминѣ, чтобъ меня не узнали, и чтобъ можно было мнѣ хотя одинъ разъ изъясниться съ вами о

моихъ чувствованіяхъ. Я же былъ и въ въ Евешамской долинѣ свидѣтелемъ вашего великодушнаго состраданія къ честному старику. Вотъ, сказалъ онъ, вынимая записную книжку, тѣ полгвинеи, которыя вы ему подали. Вотъ списокъ съ рисунка, на которомъ вы изобразили хижину. Вспомните также въ какомъ я былъ замѣшательствѣ, когда въ первой разъ увидѣлъ васъ въ покояхъ Лади Дервиль? О! Мисъ Гамбури, то, что я тогда чувствовалъ, увѣряло меня, что вы были одна женщина въ свѣтѣ, для которой я жить могъ! Ахъ! предиріяла Аспазія съ жаромъ, какъ вы можете обвинять бѣдную Шарлотту, между тѣмъ, какъ осмѣливаетесь признаваться откровенно въ толико сильной страсти другой женщинѣ. Что касается до меня, то я ненавижу даже себя, и почитаю весьма уничиженною, что сдѣлалась предметомъ той страсти. Я васъ слушала безъ сомнѣнія слишкомъ терпѣливо; но горесть, причиненная вашимъ признаніемъ, служитъ для меня справедливымъ наказаніемъ; для меня, которая почитала васъ какъ друга, какъ человѣка, на котораго могла возложить

всю свою довѣренность. Боже мой! какъ жестоко я обманулась!

Свидѣтельствуюсь небомъ, сказалъ Дервиль, что всѣ мои чувствованія достойны своего предмета: никогда не имѣлъ я мысли, которая была бы вамъ обидна. Правда, я васъ обожаю; сіе чувствованіе составляетъ часть моего бытія и не прежде какъ съ нимъ кончится; но препятствовало ли оно исполнять мнѣ свои должности? Не предупреждалъ ли я всѣхъ желаній Шарлотты, выключая той минуты, когда безпокоился о добромъ ея имени? Видалиль вы, чтобъ я въ чемъ нибудь ей отказалъ? Вѣтренныя ея поступки могли бы безъ сомнѣнія послужить для меня извиненіемъ, но я не ищу того, признаю себя виновнымъ, не могу даже обманывать васъ, чтобъ заслужить прощеніе! Нѣтъ, я не престану обожать васъ, и естьли судьба разлучитъ насъ, я буду почитать вашъ образъ; но буду почитать безъ оскорбленія вашей добродѣтели, и обиды, возсылаемыя къ вамъ моимъ сердцемъ будутъ достойны самыхъ небесъ.

Оставте сей, слишкомъ льстящій разговоръ, сказала Аспазія: сердце мое однакожъ не столько чувствуетъ горести, узнавши всѣ честности вашего. Я ни-

ничего больше не желаю, какъ вывесть изъ заблужденія любезную мою Шарлотту. Ахъ! естьли она захочетъ выслушать меня и мнѣ вѣрить: то можетъ еще надѣяться составить ваше благополучіе! Любезная Анна есть драгоцѣнной узелъ, которой долженъ со временемъ соединить васъ. Такъ, вы хотите, чтобъ я позабылъ васъ, сказалъ печально Дервиль? Я хочу, отвѣчала Аспазія, чтобъ ваше поведеніе было таково, чтобъ ваше сердце никогда не чувствовало угрызеній, дѣлающихъ человѣка прямо нещастливымъ: кто болѣе меня желаетъ вамъ благополучія? Ея слезы тихо текли по щекамъ ея. Милордъ Дервиль не могъ взирать на нихъ безъ восторга, смѣшаннаго съ горестію и радостію. Онъ скималъ ея руки, слезы омывали его лице, будучи не въ состояніи, онъ вышелъ изъ комнаты.

Аспазію очень успокоилъ его выходъ: она вольнѣе предалась своей печали; но боясь, чтобъ онъ опять не пришелъ къ ней, ушла въ свою горницу. Въ десять часовъ онъ присылалъ провѣдать, придетъ ли она ужинать; но какъ она была еще не совсѣмъ здорова, то извиняясь, велѣла сказать ему, что

ничего не хочетъ, и что уже ложится спать.

ГЛАВА XL.

Непредвидимое приключенїе.

Нещастная Аспазїя, будучи въ чрезвычайномъ волненїи, и отягощена горестїю, долго ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ; наконецъ пошла въ дѣтскую и около часа смотрѣла на любезную свою Аннушку. Ей казалось, что сладкой сонъ, въ которомъ находилось сїе дорогое дитя, поселялъ нѣсколько спокойствїя въ ея душѣ; съ трудомъ оставила она дѣтскую. Скоро, сказала она, буду я разлучена съ симъ драгоцѣннымъ творенїемъ! Она бросилась въ постелю во всемъ платьѣ, желая дождаться Шарлотты и поговорить съ нею, какъ она прїедетъ. Тысяча размышленїй колебали ея душу; разговоръ ея съ Дервилемъ произвелъ въ ней величайшее безпокойство; сильная страсть его устрашила ее, хотя онъ не изъявлялъ, кромѣ почтительныхъ чувствованїй; а сїе служило для ней сладкимъ утѣшенїемъ: я могу всегда почитать его, говорила она.

 Шар-

Шарлотта не можетъ оказыватъ долгое время несправедливости къ своей прiятельницѣ; она возвратитъ мнѣ свою нѣжность, и я прежде отъѣзда буду имѣть удовольствiе произвесть согласiе между мужемъ и женою.

Будучи занята сими мыслями, она не видала какъ текло время; наконецъ услышавъ, что бьетъ четыре часа, и, безпокоясь болѣе, нежели когда либо, о своей прiятельницѣ, она позвонила въ колокольчикъ. Вошла Катерина и сказала, что Милордъ послалъ въ три часа карету на мѣсто празднества; на что Милади велѣла сказать своимъ людямъ, что они напрасно будутъ ее дожидаться; что послѣ того они возвратились, и донесли, что уже много людей разъѣхалось съ балу. Дервиль велѣлъ тогда запереть ворота, и чтобъ не впускали никого, кто бы ни былъ. — Аспазiя при таковомъ извѣстiи пришла въ трепетъ, и не смотря на время, сошла въ залу, гдѣ Дервиль ходилъ взадъ и впередъ въ великомъ безпокойствѣ. Позвольте Милордъ, сказала, просить васъ, чтобъ вы уничтожили свое приказанiе. Не огорчайтесь, что я прошу у васъ снисхожденiя къ неосторожной Шарлоттѣ; береги-

гитесь довести ее до отчаянія: вы не знаете какія произойдутъ отъ того слѣдствія! Слѣдствія! прервалъ онъ, имѣетъ ли она какое уваженіе къ самой себѣ? Развѣ не знала она до отъѣзда на балъ, что будутъ на немъ только женщины, весьма отваживающія честь свою? Развѣ не говорилъ ей господинъ Траверсъ, что она не нарушивъ благопристойности, не можетъ туда ѣхать? И однакожъ все презрила; нѣтъ, я не долженъ терпѣть, чтобъ жена моя меня безчестила! Я сдѣлался бы въ глазахъ свѣта еще презрительнѣе, ежелибъ сталъ сносить подобное поведеніе! То правда, сказала Аспазія, что Шарлотта не имѣла вниманія къ своей чести и благополучію; но повѣрьте Милордъ, что она выдетъ изъ своего заблужденія. Позвольте напередъ мнѣ увидѣться съ нею, удалитесь въ ваши покои; будучи раздражены теперь, вы не можете говорить съ нею; предоставте мнѣ сіе попеченіе. Я очень чувствую вашу печаль, и потому не могу ни стараться о услажденіи оной. Небеса будутъ покровительствовать моимъ усиліямъ и покой возвратится въ домъ вашъ!

Но

Но будте столько же снисходительны, Милордъ, и прикажите пустить бѣдную Шарлотту, когда бы она не прiѣхала. Я не могу противиться вашему желанiю, сказалъ онъ, дѣлайте что вамъ угодно; задумчивость, распространившаяся по лицу его, привела въ жалость Аспазiю; она почла за нужное окончать сей разговоръ, для нихъ обоихъ печальной, а особливо, когда представила себѣ, что можетъ быть будетъ между ими послѣдней. Она проводила остатокъ ночи во ожиданiи Лади Дервиль, и какъ наступилъ день, то начала терять надежду о ея возвращенiи: неисчетныя страхи волновали ея душу. Милордъ Дервиль по справедливости долженъ былъ досадывать: онъ имѣлъ причину подозрѣвать Полковника Говичера; искалъ его и смерть кого либо изъ нихъ долженствовала быть пагубнымъ слѣдствiемъ ихъ встрѣчи. Какаяжъ страшная картина для чувствительной души Аспазiи! По щастiю среди сихъ мучительныхъ помышленiй она вспомнила о Господинѣ Траверсѣ, и написала къ нему нѣсколько строкъ, прося, чтобъ онъ немедленно прiѣхалъ къ ней для самаго важнаго дѣла. Уже было де-

девять часовъ утра и она страшилась увидѣть Милорда Дервиля. Въ какой ярости надлежало ему быть, когда услышитъ, что жена его еще не возвратилась?

Честной Траверсъ не заставилъ себя долго ждать. Аспазія весьма надѣялась на добрые его совѣты. Онъ прежде всего послалъ къ Полковнику; но отвѣчали, что онъ не ночевалъ дома. Потомъ послали къ Лади Марсденъ: она пріѣхала въ четвертомъ часу по полуночи. О! Боже! вскричала Аспазія, чтожъ сдѣлалось съ бѣдною Шарлоттою? — Я очень увѣренъ, отвѣчалъ Траверсъ, что она смѣется, представляя шумъ, которой надѣлаетъ побѣгъ ея въ Бригтонѣ и безчестье, которое нанесла она своей фамиліи: Полковникъ заменитъ ей все. О! нѣтъ я не могу сему вѣрить, сказала Шарлотта! Худые совѣты, можетъ быть привели ее въ заблужденіе на одну минуту, но она конечно возвратится на истинной путь. Любезная Шарлотта! да покровительствуютъ тебѣ Небеса, да приведутъ въ скорости къ твоему долгу и благополучію! Она остановилась, услыша, что позвонилъ Милордъ Дервиль. Всепокорно прошу васъ, сказала она господину

Тра-

Траверсу, подите къ нему прежде, нежели взойдетъ человѣкъ, постарайтесь утишить гнѣвъ его. Боже мой! слѣдствія сего приключенія заставляютъ меня трепетать! Не легко было отвести Дервиля отъ намѣренія тотчасъ пуститься въ погоню за Полковникомъ, но его дядя доказалъ ему, что хуже всего разглашать такое дѣло; что прежде поѣдетъ онъ къ Лади Марсденъ и освѣдомится о Шарлоттѣ.

ГЛАВА XLI.

Свиданіе.

Еще было слишкомъ рано, чтобъ говорить о дѣлахъ съ пригожею госпожею; и такъ господинъ Траверсъ былъ принужденъ ждать болѣе получаса, пока ввели его въ покой госпожи Марсденъ. Она была не одѣта и пила кофе, держа на колѣняхъ собачку и попугая. Самой спальной ея уборъ довольно показывалъ, сколько объ немъ старалась. Она думала, что пріѣдетъ къ ней Дервиль; но какъ ей было досадно, когда увидѣла господина Траверса, которой безъ всякихъ комплиментовъ началъ говорить о

своемъ дѣлѣ. Она изъявила великое удивленiе о томъ, что онъ пришелъ къ ней о подобныхъ освѣдомленiй. Да развѣ я не знаю, сударыня, что Лади Дервиль вчера ввечеру была на праздникѣ съ вами и еще не прiѣзжала домой? — Видя, что онъ зналъ все, она сказала ему: я не хочу совсѣмъ извинять Милорда Дервиля, что принудили ее поступить такимъ образомъ, какъ она поступила. Мисъ Бенсонъ можетъ вамъ сказать, что я весьма сожалѣла о ея участи.

Траверсъ не опустилъ ни одного слова и не могъ удержаться отъ удивленiя, какъ между тѣмъ она продолжала: Такъ, сударь, вы согласитесь въ томъ, что весьма прискорбно имѣть въ домѣ прiятельницу, которая, не смотря на всѣ благодѣянiя, не только ссоритъ съ мужемъ, но и въ глазахъ даже ведетъ съ нимъ порядочную интригу.

Какъ? сказалъ Траверсъ, задыхаясь отъ гнѣва, не о Мисъ ли Гамбури вы говорите? Такъ точно отвѣчала она, всѣ то видятъ, что я вамъ сказала.

Клянусь Небомъ все это ложъ! вскричалъ онъ такимъ голосомъ, что почти заставилъ ее дрожать. Аспазiя прямо добродѣтельна, и не должно такъ легко-

мы-

мысленно судить о ея чести. Но моя пріятельница, сказала Марсденъ, видала тысячу опытовъ худаго ея поведенія.

Слуга вашъ, сударыня; я не могу васъ болѣе слушать и мнѣ нѣчего говорить съ женщиною, столько же несправедливою, какъ и злобною! — Сказавъ сіе, онъ поспѣшно вышелъ, не узнавъ о томъ, чего желалъ; оттуда возвратившись почти безъ чувствъ къ своему племяннику, онъ бросился въ кресла, и былъ въ такомъ волненіи, что долгое время не могъ произнести ни одного слова; но наконецъ вскричалъ: О! Дервиль, проклятые языки! для чего не истребитъ ихъ Небо?

Что, сударь, сказала Аспазія, вошедши въ горницу, узнали ли вы что нибудь о нещастной моей пріятельницѣ? Кого злой языкъ можетъ пощадить, сказалъ онъ, смотря на нее, когда ругаютъ сего Ангела самымъ безчестнымъ образомъ? Вы конечно, присовокупилъ онъ, ничего не понимаете изъ моихъ словъ; но признаюсь, что слышанное мною, сдѣлало меня почти дуракомъ. Можете ли вы повѣрить? Жена ваша для сокрытія постыднаго своего поступка обвиняетъ васъ невѣрностію; и вотъ предметъ ея

по-

подозрѣнія: — Мисъ Гамбури! — Такъ и ваше преступное дружество, какъ говоритъ она, принудило ея уйти. — И сему вѣрятъ, поблѣднѣвъ и задрожавъ, сказала Аспазія? — О нѣтъ, сударыня, успокойтесь, одни развращенныя сердца могутъ имѣть такое подозрѣніе.

О! Мисъ Гамбури, вскричалъ Дервиль, не должны ли вы проклинать тотъ день, въ которой вступили въ домъ сей? Какъ можно, чтобъ добродѣтельнѣйшая изъ своего пола страдала за меня? Но виновникъ зла не ускользнетъ: онъ достоинъ величайшаго наказанія. — Чтожъ ты хочешь дѣлать, сказалъ ему дядя? Омывъ въ крови свои руки, ты не загладишь стыда жены своей, и не возстановишь доброй славы Аспазіи. Ахъ! сударь, вскричала она, залившись слезами, ради Бога ничего не предпринимайте подобнаго сему; по томъ бросясь на колѣни: благодарю Бога, продолжала она, такъ тысячекратно благодарю его, что я невинна. Я имѣю по крайней мѣрѣ то щастіе, что совѣсть меня не угрызаетъ ни за одно слово, ни за одно помышленіе, ни за какое либо дѣло. Она встала и отерши слезы свои, присовокупила: но что моя любезная Шарлотта,

другъ моей юности, думаетъ, что я виновна: то сія мысль раздираетъ мое сердце и я не въ силахъ переносить сего! Дервиль, будучи внѣ себя, не думая ни объ чемъ, бросился къ ея ногамъ. Можете ли вы еще взирать на меня, сказалъ онъ? Не ненавистно ли для васъ и самое имя мое? Какъ? я упоилъ ваше сердце горестію, я, которой желалъ бы умереть тысячу разъ, чтобъ освободить васъ отъ малѣйшаго безпокойства! — Любезной племянникъ, сказалъ Траверсъ, ударивъ его по плечу, развѣ таковыми словами и взорами, толико страстными, ты удалишь подозрѣнія о привязанности своей къ Мисъ Гамбури? Естьли порочно, отвѣчалъ Дервиль, обожать добродѣтель и красоту, то я болѣе всѣхъ виновенъ. Но войдите, любезной дядюшка, въ мое сердцѣ, читайте въ немъ: я ничего не страшусь, я нещастливъ, но невиновенъ. Тогда онъ далъ ему исправной отчетъ во всѣхъ своихъ чувствованіяхъ съ самой свадьбы, а особливо съ того времени, какъ узналъ Аспазію; объявилъ откровенно, какое чувствовалъ желаніе содѣлать ея щастіе, во что бы то ни стало, и какія употреблялъ усилія, чтобъ заставить

ее

ее вытти за СирЪ Жамеса своего друга. Сія чистая и чувствительная душа изъяснялась съ такимЪ краснорѣчіемЪ, что ГосподинЪ ТраверсЪ былЪ тѣмЪ тронутЪ. ОнЪ воздохнулЪ объ участи своего племянника и Аспазіи; сожалѣлЪ чистосердечно, что сіи два существа, столь совершенныя, не были соединены. Но разсуждая наконецЪ о настоящемЪ положеніи, сказалЪ своему племяннику, что честь молодой его пріятельницы дѣйствительно пострадаетЪ, естьли она хотя день еще пробудетЪ вЪ его домѣ; что всего лучше, по его мнѣнію, поручить ея его попеченіямЪ, и что онЪ тотчасЪ отвезетЪ ея кЪ своей сестрѣ. Я знаю, примолвилЪ онЪ, сколько она ее любитЪ и потому приметЪ ее сЪ радостію. Что касается до тебя, любезной Дервиль, то дай мнѣ слово, что ты останешься здѣсь покойно до моего возвращенія. Аспазія приняла сЪ признательностію предложеніе Господина Траверса; она прибавила кЪ тому, что, ежели ЛордЪ Дервиль позволитЪ ей взять сЪ собою Аннушку, то доставитЪ ей великое удовольствіе, тѣмЪ болѣе, что и Лади Анна обрадуется, увидѣвЪ ее у себя. Дервиль такЪ растроганЪ былЪ при семЪ требованіи,

что конечно бы впалъ снова въ свои восторги; но Аспазія, желая избѣжать ихъ, вышла изъ комнаты и начала приготовляться къ отъѣзду, увѣдомивъ напередъ кормилицу, что и ей надобно съ неюжъ ѣхать. Въ два часа все было готово и она простилась съ Милордомъ Дервилемъ, чувствуя особливое стѣсненіе. Что касается до него, то онъ не могъ произнести ни слова и проводилъ ее до кареты въ мрачной задумчивости.

Во время дороги всякой молчалъ и имѣлъ важной видъ; присутствіе кормилицы и Катерины не позволяло имъ свободно разсуждать. Наконецъ ввечеру они прибыли въ Ріегатъ, откуда Господинъ Траверсъ отправилъ слугу къ сестрѣ своей, чтобъ увѣдомить о всемъ произшедшемъ. Лади Анна приняла Аспазіею со всею нѣжностію матери и пріятельницы. Аспазія на другой же день расположилась совсѣмъ съ сею достойною женщиною, которая всячески старалась ее утѣшить.

ГЛАВА

ГЛАВА XLII.

Новая перемѣна.

Аспазія, будучи чувствительна, не могла не тронуться попеченіями Лади Анны; но видѣла препятствіе въ своемъ желаніи, чтобъ быть всегда съ нею. Она знала всю нѣжность сей госпожи къ своему племяннику, и чувствовала, что ей надлежало лишиться удовольствія видѣть его изъ уваженія къ ней, потому что ей при таковыхъ обстоятельствахъ никакъ не можно было ежедневно видѣться съ Дервилемъ, не подавъ случаю ко многимъ злобнымъ пересудамъ. Сверхъ того противно было ея правиламъ, и она никакъ не могла себѣ позволить, чтобъ видѣться съ тѣмъ человѣкомъ, котораго любила, котораго предпочитала всѣмъ прочимъ, и которой обожалъ ее. Она сдѣлала о томъ замѣчаніе старому своему другу, которой нашелъ его очень справедливымъ и присудилъ сестрѣ поручить Аспазію на нѣкоторое время госпожѣ Траверсъ, вдовѣ одного Генерала, которая жила въ Горнчорчѣ, въ Эссексѣ, весьма уединенно. Она уже видѣла нашу Героиню въ Лондонѣ, когда ѣзжала туда за своею пенсіею. Кротость и кра-

еота Аспазіи очень ей понравились, и потому она приняла съ радостію предложеніе, чтобъ была у ней сія дѣвица. Аспазія съ своей стороны была очень довольна, что будетъ жить въ отдаленіи отъ общества. Хорошо, что она привыкла къ уединенію, потому что посредственные доходы не позволяли ей вести другую жизнь; и она ожидала только окончанія дѣла, чтобъ удалиться въ деревню съ вѣрною своею Катериною, которая объяснилась, что никогда отъ нее не отстанетъ.

Лади Анна отвезла сама Аспазію къ госпожѣ Траверсъ; но какъ привязанность ея къ ней очень увеличилась въ три или четыре недѣли, которыя она провела съ нею, то не могла разлучиться, не почувствовавъ сильной печали и сожалѣнія о ея бѣдственной участи.

Но возвратимся къ Дервилю. Дядя его пріѣхалъ опять въ Бригтонъ, отвезши Аспазію къ сестрѣ своей, и обѣщалъ чрезъ нѣсколько дней навѣстить ее. Первое его стараніе было увидѣться съ племянникомъ, которой по его мнѣнію требовалъ его утѣшенія. Они вмѣстѣ распрашивали объ отъѣздѣ Лади Дервиль

виль и о тѣсномъ знакомствѣ съ Полковникомъ. Всѣ служители увѣряли, что не свѣдомы были о семъ дѣлѣ, потому что никогда не посылала ихъ къ Полковнику, и они не видали, чтобъ она когда нибудь получала отъ него письма; но какъ онъ скрылся въ одно время съ нею: то видно было, что они поѣхали вмѣстѣ, и по мнѣнію многихъ отправились на кораблѣ, которой въ самой день ихъ бѣгства пошелъ въ Діепъ. Дервиль не хотѣлъ видѣться съ злобною Марсденъ, хотя и очень былъ увѣренъ, что она знала все дѣло. Онъ гнушался сею женщиною и не могъ смотрѣть на нее хладнокровно. И такъ, проклиная пребываніе въ Бригтонѣ, онъ съ своимъ дядею поѣхалъ въ Лондонъ. Сей честной человѣкъ охотно взялъ на себя трудъ отписать къ господину Бромлею, чтобъ осторожно увѣдомить его о безразсудномъ поступкѣ его дочери; онъ притворился, будто не знаетъ, куда она скрылась, но только думаетъ, что къ нему поѣхала. Бромлей тотчасъ отвѣчалъ господину Траверсу, что любезная его Шарлотта не была въ Беришрѣ; что безъ сомнѣнія лучше бы она сдѣлала, естьли бы прибѣгнула къ снисходитель-

ному отцу, нежелибъ ввѣрилась кому другому; что онъ никакъ не могъ сло- брять ея поступка, но что нещастная ея участь заслуживала сожалѣніе. Въ заключеніе онъ прилагалъ содержаніе письма своей дочери, въ которомъ об- виняла она своего мужа и Мисъ Гамбу- ри, присовокупляя, что сія вѣроломная пріятельница пріѣхала къ ней за тѣмъ, чтобъ нарушить ее спокойствіе, въ то самое время, когда она была щастливѣй- шая изъ женщинъ; наконецъ, что она знала совершенно, что бѣгство помра- читъ ея славу; но что она полагалась на свою невинность, которая нѣкогда оправдаетъ ее.

Господинъ Травесъ разсердясь, что Бромлей былъ столько предубѣжденъ, поѣхалъ тотчасъ къ нему, чтобъ вы- весть его изъ заблужденія. Добродѣтель Аспазіи была для него священна, и онъ не могъ терпѣть, чтобъ въ глазахъ его такъ дерзко ея ругали. По пріѣздѣ его Господинъ Бромлей началъ защищать дочь свою; онъ не мѣшалъ говорить ему, но по томъ съ тою свободностію и красно- рѣчіемъ, которыя были ему сродны, описалъ онъ благородныя чувствованія и безпорочное поведеніе Аспазіи. Онъ

гово-

говорилъ о семъ съ такимъ жаромъ, что скоро уверилъ нещастнаго отца о проступкахъ его дочери.

Бромлей издавна зналъ Господина Траверса, и столько почиталъ его, что не могъ сомневаться въ справедливости всего того, что онъ ни говорилъ. Жестокая достоверенность для чувствительнаго отца! Дервиль съ своей стороны ощущалъ тысячу болезненныхъ чувствованій, не для того только, что былъ обезчестенъ; но и потому, что лишался навсегда удовольствія видеть ту, которая царствовала въ его сердце; ибо, какъ не преследовалъ его жребій, но сіе любезное изображеніе составляло часть существа его, и одна смерть могла погасить его любовь. Его здоровье весьма повредилось отъ печали; онъ не могъ освободиться отъ унынія и большую часть времени провождалъ въ уединеніи. Многіе изъ его пріятелей советовали ему стараться о разводе; и естьли бы посредствомъ сего могъ онъ получить Аспазію, то бы тотчасъ сіе исполнилъ. Но после подозреній ея поведенія могъ ли онъ предложить ей свою руку, а она принять ее? Нетъ, ея правила были ему известны, и онъ не могъ того наде-

ять я: онъ и дѣйствительно не надѣялся. Честная душа его, будучи столько же чиста, какъ и душа Аспазїи, предпочитала нещастїе наслажденїю, сопряженному съ угрызенїемъ совѣсти.

ГЛАВА XLIII.

Меланхолическїя размышленїя.

Въ то короткое время, которое Мисъ Гамбури провела у Лади Анны, госпожа сїя старалась возить ее по всѣмъ своимъ знакомымъ, желая истребить непрїятныя впечатлѣнїя, которыя всякой получить могъ, судя по разглашенїямъ Шарлотты. Аспазїя лучше бы желала остаться въ уединенїи; сердце ея, стѣсненное печалїю, неспособно было ни къ какимъ веселостямъ. Она ощущала спокойствїе тогда только, когда была одна и держала на рукахъ маленькую Анну. Прижимая къ груди своей и проливая слезы, она говорила иногда; такъ, любезное дитя, мать твоя не столько жестокосерда, чтобъ тебя оставила. Одна минута могла привести ее въ заблужденїе, но небо справедливо: оно возвратитъ ее къ своей должности. Увы!

ея заблужденіе простирается до того, что она можетъ быть почитаетъ меня виновною! Но пусть думаетъ она, что хочетъ, только бы мужъ простилъ ее!

О любезная Шарлотта! будь щастлива: въ томъ состоитъ искреннѣйшее желаніе моего сердца! Приди и насладись ласками сего дитяти; не лишай его пріятности называть тебя матерію и пользоваться твоими попеченіями! Боже мой! пусть будетъ щастливо все то, что я люблю, а я одна испытываю горькую участь!

Но будучи въ Горнчорчѣ, она имѣла гораздо болѣе времени оплакивать свои бѣдствія; не было съ нею маленькой Анны; сіе нѣжное дитя не осушало слезъ ея своими невинными ласками и всѣ часы ея протекали въ меланхолическихъ размышленіяхъ. Госпожа Траверсъ жила прямо уединенно: по смерти ея мужа свѣтъ не прельщалъ ея. Она была добрая женщина, но сердце ея не имѣло никакого сходства съ сердцемъ нашей Героини, потому что сія неутѣшимая вдова плакала только о себѣ, думая, что она одна нещастлива въ свѣтѣ. Какъ же сравнить ее съ Мисъ Гамбури? Ея подруга, занимаясь участію нещастныхъ, часто позабывала сама себя,

бя,

бя, и, чувствуя ихъ токмо бѣдствія, въ томъ одномъ находила удовольствіе, чтобъ посвящать имъ свое время, свои совѣты и имѣніе. Такъ протекала жизнь ея въ бытность у дѣда и даже у Милорда Дервиль, котораго доброе сердце доставляло ей скорые способы помогать нещастнымъ; но теперь, какъ у ней не было ничего, то при встрѣчѣ съ бѣднымъ глаза ея наполнялись слезами. Она печально отвращала ихъ отъ сего трогательнаго предмета, и говорила: я еще болѣе нещастна, потому что не въ состояніи помогать.

ГЛАВА XLIV.

Предложеніе.

Аспазія весьма удивилась, получивъ въ одинъ день письмо отъ Графа Карбери, а содержаніе письма еще больше ее удивило; оно состояло въ томъ, что онъ предлагалъ ей свою руку и имѣніе. Онъ изъяснялся, что слышалъ съ прискорбіемъ, что добродѣтель ея пострадала, что онъ конечно не вѣритъ злобному внушенію, которое Милади Дервиль угодно распространить на щетъ

ея;

ея; но какъ свѣтъ судитъ только по наружности, то легко можетъ подумать, что она виновата и что только, принявъ его предложеніе, и сдѣлавшись Графинею Карбери, могла она все загладить и возвратить доброе мнѣніе отъ общества. Остатокъ его письма былъ наполненъ живѣйшими выраженіями любви; онъ клялся, что будетъ жить только для нее, и что благопріятной отвѣтъ, которой онъ получитъ, надѣялся, учинитъ его щастливѣйшимъ человѣкомъ.

Аспазіи не было нужды думать ни минуты, чтобь отвѣтствовать Графу. Она изъяснилась благопристойно и вѣжливо, но дала ему знать, что уже давно перестала думать о замужствѣ; что ея вкусъ, такъ какъ и ея положеніе, заставляли ее жить въ уединеніи, что свѣтъ скоро забудетъ ее; а она позабудетъ скоро минутныя бѣдствія, которыя притерпѣла въономъ; что впрочемъ совѣсть, которая не угрызала ее, доставляла ей всегда спокойствіе; что она благодарила за его предложенія, но что ни сердце, ни разсудокъ не позволяли ей принять онаго.

Тщеславіе Графа претерпѣло сильной ударъ отъ отказа Аспазіи. Онъ не

воображалъ, чтобъ она могла принять равнодушно столь блистательное предложенiе; женщины, которыхъ онъ зналъ доселѣ, были не въ состоянiи дать ему понятiя о благородной и безпристрастной душѣ. И такъ, ея упорство произвело въ немъ сильную досаду и въ жару своемъ онъ не скрылъ отъ сына ни письма, которое онъ писалъ къ Мисъ Гамбури, ни отвѣта, которой получилъ отъ ней. Онъ думалъ, что она отпишетъ къ нему о томъ, и потому разсудилъ за лучшее самъ его о томъ увѣдомить. Дервиль при началѣ такого объявленiя сильно опечалился, но когда услышалъ онъ, что Аспазiя не приняла совершенно предложенiя его отца, то тихая радость объяла его сердце. Онъ чувствовалъ какъ бы новую жизнь и льстился, что постоянство ея въ отказѣ всѣмъ женихамъ происходило не только отъ ея безпристрастiя къ любовникамъ, но и отъ тайнаго чувствованiя, котораго можетъ быть онъ былъ предметомъ. Онъ припоминалъ почтенiе и нѣжное дружество, которыя она ему оказала; видѣлъ прелестные глаза ея, бросающiе нѣжной взоръ на него, и прекрасныя уста, произносящiя самыя лестныя

для

для него слова. ТакЪ говорилЪ онЪ, для меня только не гонится она за честїю и богатствомЪ, и даже предпочитаетЪ имЪ уединенїе и бѣдность! Но великїй Боже! чѣмЪ могу я наградить ее когда нибудь за сїи пожертвованїя? Могу ли наслаждаться тѣмЪ щастїемЪ, что меня любитЪ, когда сїе чувствованїе погружаетЪ ее вЪ нещастїе.

Сїи размышленїя, хотя были и мучительны, но умножали любовь Милорда Дервиль. Они сдѣлались обыкновенною пищею души его, и ничто не могло ихЪ истребить изЪ оной. ОнЪ уже былЪ не вЪ состоянїи противиться своимЪ чувствованїямЪ; надежда его состояла только вЪ томЪ, что или жить за Аспазїю, или умереть за нее.

Что касается до нашей Героини, то я не могу точно сказать, какїя были тайныя ея чувствованїя, но конечно невинность и чистота служили имЪ покрываломЪ, и она изЪ за-нихЪ не могла видѣть ничего виновнаго. Ея любовникЪ былЪ нещастный другЪ ея. И такЪ она могла оплакивать его участь и почитать превосходныя его качества; а будучи лишена щастїя видѣть его, могла припоминать безпрестанно прїятныя его

разго-

разговоры, въ которыхъ чувствительность и любовь доставляли попеременное удовольствіе.

Такимъ образомъ провождала она часы, дни и цѣлыя недѣли, занимаясь только однимъ Дервилемъ. Образъ сего добродѣтельнаго человѣка не могъ страшить ее; но напротивъ того она еще находила удовольствіе въ томъ, чтобъ любить и обожать его; она забывала сама себя: ея слезы текли только по Дервилѣ. Ей казалось, что, естьли будетъ только щастливъ другъ ея, то ей ничего не останется больше желать на свѣтѣ.

ГЛАВА XLV.

Новыя горести.

Едва прошла только недѣля по полученіи письма отъ Графа Карбери, какъ вручено было Аспазіи другое, котораго почеркъ ей былъ не извѣстенъ. Пусть чувствительный и добродѣтельный читатель, исполненный довѣренности къ честности другихъ; пусть, говорю я, поставитъ себя на мѣстѣ Аспа-

зіи и вообразитъ, что должна была она чувствовать при чтеніи слѣдующаго.

„О любезная, божественная Аспазія! какъ изъяснить вамъ жарчайшія желанія моего сердца? Какъ выразить ту нѣжность, которую оно къ вамъ чувствуетъ? Удостойте прочесть сіи строки, узнайте какъ оно страждетъ. Съ той самой минуты, которая меня разлучила съ вами, я былъ нещастнѣйшій человѣкъ! Ахъ! между тѣмъ какъ мы невинны, должны ли мы страдать отъ пересудовъ публики: пусть только злые будутъ утѣсняемы, но мой чувствительный другъ да насладится щастіемъ!„

„Отецъ мой увѣдомилъ меня о худомъ успѣхѣ въ своей любви. Увѣряю васъ, что съ трудомъ перенесъ онъ отказъ вашъ. Увы! сколько вы сдѣлали нещастныхъ въ короткое время! Я конечно ихъ оплакиваю; но ваше равнодушіе противъ воли моей поселило надежду въ моемъ сердцѣ. Такъ, любезнѣйшая и наиболѣе обожаемая изъ всѣхъ женщинъ, я осмѣливаюсь льстить себя нѣкоторымъ снисхожденіемъ съ вашей стороны; ваша довѣренность, ваша дружба были доселѣ единою подпорою моей жизни! Сдѣлайте болѣе, учините меня щасшливѣйшимъ

 чело-

человѣкомъ. Вы знаете, что я не могу болѣе Милади Дервиль почитать своею женою; она своими поступками потеряла права свои, и я надѣюсь, что мнѣ легко будетъ получить разводъ. Но сїе дѣло не скоро кончится, а между тѣмъ наши дни могли бы течь, какъ тихїй источникъ! Ахъ! божественная Аспазїя, естьли душа ваша пылаетъ тѣмъ же пламенемъ, какъ и моя, то почто откладывать минуты нашего щастїя? Вы видите чего сердце мое отъ васъ требуетъ. -- Раздѣлите со мною мою участь, убѣжимъ въ чужую землю; естьли и въ пустыню, то и ту украситъ моя Аспазїя. Тамъ будемъ ожидать мы того времени, какъ законы позволятъ мнѣ назвать васъ Милади Дервиль. Но до тѣхъ поръ пожертвуете ли вы щастїемъ, которымъ могутъ наслаждаться два вѣрныя сердца! Я не прошу васъ отвѣчать мнѣ, потому что въ слѣдующую пятницу буду у ногъ вашихъ. Да тронетъ ваше сердце горячность моихъ желанїй, и прїобрѣтетъ отъ васъ благопрїятство къ нѣжнѣйшему любовнику!,,

,,*Дервиль.*,,

Аспазїя прежде всего взглянула на подпись сего письма: имя Дервиля заста-

ставило трепетать ея сердце; но что съ нею сдѣлалось, когда она прочитала письмо? — Она стояла какъ окаменѣлая и лишенная чувствъ, и естьли пришла въ себя, такъ только для того, чтобъ чувствовать жестокую печаль, которая жестоко раздирала ея душу. Боже мой! вскричала она, теперь-то совершились всѣ мои нещастія! Я жила слишкомъ долго: мнѣ бы надлежало умереть за часъ до полученія письма сего. Тогда не лишенабъ я была сего удовольствія, чтобъ до послѣдняго издыханія любить и почитать того, которой представлялся въ глазахъ моихъ совершеннѣйшимъ твореніемъ Создателя. Такъ, продолжала она, я знала нещастіе по одному только названію, но теперь я прямо злополучна! Не остается мнѣ ни малаго утѣшенія въ свѣтѣ: всѣ пріятныя мечты изчезли, и я очень наказана за безразсудную мою довѣренность!

Она была въ такомъ волненіи, что не знала на что рѣшиться. Сіе пагубное письмо пришло къ ней въ четвергъ и такимъ образомъ завтра надлежало ей видѣться съ Милордомъ Дервилемъ. Сія мысль смертельно устрашала ея. Какъ снести присутствіе того человѣка,

ка, которой не постыдился сдѣлать столь обидныхъ предложенїй? — Послѣ многихъ разсужденїй она рѣшилась итти къ госпожѣ Траверсъ, и сказать, что очень нужное дѣло принуждало ея тотчасъ ѣхать. Госпожа сїя по видимому очень не хотѣла разстаться съ любезною подругою, которая чрезъ нѣсколько дней обѣщала писать къ ней; но она была такъ скромна, что ни мало не спрашивала Аспазїю о побудительныхъ причинахъ ея отъѣзда. Часто подъ видомъ дружбы стараются удовольствовать свое любопытство; но она не имѣла сего порока. Аспазїя послала за коляскою, и при помощи Катерины тотчасъ собралась. Но ахъ! куда ѣхать? Ей представлялся весь свѣтъ, но она не знала, въ которую сторону обратиться. Она слыхала только, что въ Лондонѣ легче, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ, можно было укрываться. И потому сказала Катеринѣ, что была намѣрена туда отправиться, не объявляя однакожъ справедливой тому причины. Сїя дѣвушка получила весьма хорошее воспитанїе. Аспазїя любила и почитала ее; но ея положенїе и свойство печали были толь странны; что она никому не

могла

могла безъ смятенія открыть ихъ. Для сего сказала только, что какъ наступило время получить отказанныя дѣдомъ ея деньги: то ѣдетъ въ Лондонъ, и пробудетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ получитъ; что по томъ купитъ себѣ небольшой домикъ въ деревнѣ. Катерина не безъ печали выслушала слова сіи, не потому однакожъ, чтобъ жизнь деревенская ей не нравилась; но для того, что надѣялась, что добрая госпожа ея согласится вытти за какого нибудь изъ богатыхъ жениховъ, которые за нее сватались; и такимъ образомъ, не смотря на ненависть фамиліи Гамбури, будетъ пользоваться такимъ отличіемъ и имѣніемъ въ свѣтѣ, каковыхъ по извѣстнымъ своимъ качествамъ была достойна.

Аспазія, простясь съ госпожею Траверсъ, поѣхала съ вѣрною Катериною. Она остановилась къ Ильфордѣ, чтобъ нѣсколько поѣсть, но волненіе души ея не позволяло ей того сдѣлать. И такъ, она приказала подать себѣ только чашку чаю. По томъ спросила у Катерины, не знала ли она какого нибудь тракшира въ Лондонѣ, гдѣ бы жить можно было? Да для чегожъ не ѣхать вамъ къ

 Лади

Лади Аннѣ, сказала Катерина? Я думаю, что ее нѣтъ теперь въ городѣ, отвѣчала Аспазія. Довольно было поздо, какъ онѣ туда пріѣхали, и ямщикъ спрашивалъ, куда ихъ отвезти. Аспазія не знавъ, что отвѣчать, сказала было на удачу въ Оксфордскую улицу; но тотчасъ закричала, что ошиблась, когда вспомнила, что Оксфордская улица была близко отъ *Портман-Скварѣ*. А какъ Катерина въ то же время сказала ей, что знала одного честнаго купца, по имени Вильзонъ, которой жилъ въ Пикадилліи, то Аспазія велѣла туда ѣхать. Ямщикъ тотчасъ поворотилъ лошадей, и погналъ такъ прытко, что переломилась ось, и коляска упала на ту сторону, на которой сидѣла бѣдная Катерина, претерпѣвшая отъ сего паденія великой вредъ. Народъ собрался около ихъ кучами, какъ обыкновенно случается въ большихъ городахъ при малѣйшемъ приключеніи. Мисъ Гамбури, не смотря на всегдашнюю твердость духа, потеряла совершенно разсудокъ. Горничную ея дѣвку отнесли къ себѣ въ домъ нѣкоторые человѣколюбивые люди, желавшіе подать ей помочь. Что касается до Аспазіи, то она стояла, какъ окамене-

нѣлая предъ изломанною коляскою, обращая глаза къ небесамъ, и восклицая: Боже мой! что со мною будетъ! Какъ вдругъ видъ Милорда Дервиля, которой шелъ по другую сторону улицы, вывелъ ее изъ сего заблужденія. Не зная сама, что дѣлалось, она взбѣжала на монастырь, и перешедши оной, долгое время шла на удачу, будучи въ такомъ смущеніи, что ничего не видала предъ собою; но каждаго мимоидущаго останавляла красота ея; хотя сіе чувствованіе продолжалось и не долго, ибо каждый, посмотрѣвъ на нея, начиналъ опять итти своею дорогою. Наконецъ вспомнивъ о бѣдной Катеринѣ, она остановилась, такъ какъ испугавшись чего нибудь; глаза ея наполнялись слезами, она смотрѣла вокругъ себя съ ужасомъ, и увидѣвъ, что была въ переулкѣ, расположила въ мысляхъ своихъ нанять коляску до улицы Пикадилліи, гдѣ думала по распросамъ своимъ опять найти Катерину. Такое расположеніе нѣсколько ободрило ея; она шла впередъ, какъ вдругъ по той же дороги проѣхала карета, и столь скоро, что Аспазія испугавшись, чтобъ ее не задавили, запуталась въ платьѣ и упала. Карета остановилась, и женщина, въ

жей находившаяся, весьма хорошо одѣтая, тотчасъ вышла, чтобъ подать ей помочь. Боже мой! . . . Не ушиблись ли вы, сударыня, сказала она? Ахъ! она въ безпамятствѣ! — Джонъ! помоги поскорѣй сей госпожѣ, отнеси ей бережно въ покои. Какъ Аспазія нѣсколько опомнилась, то столь тронута была нѣжнымъ объ ней попеченіемъ, что едва будучи въ состояніи говорить, силилась изъяснить истинную благодарность хозяйкѣ сего дома. За минуту она думала, что оставлена отъ всего свѣта; и такъ чувствительность, въ ней возбужденная, было самое пріятное чувствованіе. Но какъ госпожа дому присовокупила къ своимъ стараніямъ нужные вопросы, какъ то: откуда она шла, и куда надлежитъ послать, чтобъ увѣдомить о ея состояніи: то сердце нещастной Аспазіи было снова наполнено горестію; будучи однакожъ искренна, она не могла притворяться, и отвѣчала, хотя въ короткихъ словахъ, но такимъ образомъ, что легко было узнать всю ея бѣдность; съ пролитіемъ слезъ повторяла она: увы! куда мнѣ итти? къ кому посылать? Хозяйка ея нѣжная плакала также, и казалось, что принимала уча-

участіе въ горестномъ ея положеніи. Аспазія не скоро пришла въ состояніе расказать ей о случившемся съ коляскою и увѣдомить, что досадная встрѣча принудила ея бѣжать. Тогда хозяйка послала человѣка развѣдать, гдѣ сіе случилось и сыскать, ежели можно, бѣдную Катерину; а между тѣмъ старалась всячески успокоить Аспазію. Вамъ должно благодарить небо, моя любезная, сказала она, что вы попались въ толь добрыя руки: конечно я васъ никакъ не оставлю, пока вы не увидитесь съ своими пріятелями. Боже мой! какаябъ была ваша участь, естьлибъ вы попались къ кому другому!

Какъ уже было поздо и не получено ни малаго свѣдѣнія о Катеринѣ, то госпожа сія принудила Аспазію лечь спать; но печальныя размышленія столько ея занимали, что ей не возможно было сомкнуть глазъ ни на минуту. Такое волненіе воспалило ея кровь, и подъ-утро она получила сильную лихорадку. Хозяйка ея позвала Доктора и всячески старалась помочь ей; а какъ Аспазія была здороваго сложенія, то въ короткое время освободилась отъ болѣзни; примѣтна была только слабость и печаль ея, что не имѣла никакого извѣстія о

любезной Катеринѣ. Хозяйка присовѣтовала ей послать объявленїе для напечатанія въ утреннихъ газетахъ, что она и сдѣлала. Духъ ея не могъ ни на минуту быть спокоенъ, хотя госпожа сїя и старалась всячески ея развеселить. Сундуки, наполненные платьемъ и бѣльемъ, предложены были къ ея употребленію; столъ былъ прїуготовляемъ со вкусомъ и изобилїемъ и лучшїя вины подавали за онымъ. Наша Героиня желала бы, чтобъ хозяйка не столь была великодушна, потому что не знала, какъ заплатить за толь многїя благодѣянїя; а особливо той женщинѣ, которая получила весьма хорошее воспитанїе и жила въ хорошемъ состоянїи. Занимаясь безпрестанно сими мыслями, она вспомнила, что были у ней брислеты, доставшїеся послѣ матери, и вздумала подарить ей въ знакъ слабой своей признательности. Она рѣшилась также взять на завтра карету у своей хозяйки и ѣхать въ разныя мѣста города, чтобъ освѣдомиться о Катеринѣ, о которой столько же безпокоилась, какъ о томъ, чтобъ достать свое платье и вещи.

ГЛАВА

ГЛАВА XLVI.

Довѣренность не у мѣста.

Съ горестїю, читатель мой, я начинаю сїю главу. Такъ снисходительность и благосклонной прїемъ, которымъ можетъ быть ты удивлялся, были только дѣйствїя личной корысти. — Нещастная Аспазїя попалась въ одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые наносятъ стыдъ человѣчеству. Онъ находился на Королевской площади; щастливы тѣ, которые знаютъ только по имени! Безчестная хозяйка сего дому едва увидѣла Аспазїю, какъ не смотря на печаль, скрывавшую красоту ея, нашла въ ней такїя совершенства, какихъ не видала до сего ни въ какой дѣвицѣ.

Между множествомъ ея знакомыхъ находился одинъ, которымъ она болѣе всѣхъ была одолжена: сей человѣкъ былъ Графъ Карбери. Послѣ нѣсколькихъ дней Аспазїя получила прежнюю свою живость, и сїе подлое творенїе радовалось напередъ, что можетъ оказать знатную услугу своему покровителю; но какъ она боялась, что Аспазїя скоро найдетъ свою Катерину, и перемѣнитъ жилище, то, не желая потерять своей добычи,

тотчасъ написала къ Графу слѣдующее письмо:

Милостивый Государь!

„Наконецъ щастіе захотѣло мнѣ поблагодѣтельствовать, доставивъ средство доказать вамъ всю мою признательность. Такъ, безъ сомнѣнія я надѣюсь отплатить вамъ, отдавъ во власть вашу такое прекрасное твореніе, какого я отъ роду не видывала. Самой странной случай доставилъ ее въ мои руки. Десять уже дней тому, какъ она живетъ въ моемъ домѣ. Но не безпокойтесь: клятвенно могу увѣрить, что она не видала никого, выключая меня. Невинность и красота равномѣрно видны въ сей дѣвушкѣ; однакожъ, милостивый государь, пріѣзжайте поскорѣе, потому что я играю очень трудную роль и чувствую, что не могу долго ее выдерживать. Я имѣю честь быть,„

Милордъ!

Всепокорнѣйшая и всегда готова ко услугамъ *К*. . . . *М*. . . .

Королевская площадь.

Человѣкъ, которой посланъ былъ съ письмомъ къ Графу Карбери, не видавъ его никогда, думалъ, что онъ долженъ быть молодой человѣкъ. Въ такомъ

комЪ мнѣнїи лишь только онЪ пришелЪ кЪ воротамЪ, то увидѣлЪ сЪ гербами у крыльца карету. ОнЪ подошелЪ кЪ ней, и какЪ вЪ тожЪ время садился вЪ нее молодой человѣкЪ: то почетши его за Графа, безЪ всякихЪ распросовЪ подалЪ ему письмо. МилордЪ Дервиль, (потому что онЪ выѣзжалЪ тогда отЪ своего отца) подумавЪ, что оно писано кЪ нему, не посмотрѣлЪ надпись. ОнЪ распечаталЪ его и началЪ читать, но скоро узналЪ, что письмо вручено ему было ошибкою; мѣсто, откуда оно было писано, наиболѣе то доказывало. ОнЪ увидѣлЪ наконецЪ, что сїе письмо писано было кЪ его отцу. Тогда пришедши вЪ замѣшательство, онЪ не зналЪ что дѣлать; но помысливЪ нѣсколько, рѣшился занять его мѣсто! ОнЪ почелЪ необходимымЪ долгомЪ помочь невинной красавицѣ. Служители его крайнѣ удивились, когда услышали приказЪ, чтобЪ ѣхать на Королевскую площадь; сей приказЪ показывалЪ перемѣну вЪ его поведенїи, которая казалась имЪ чрезвычайно странною.

Сей день былЪ еще первой, какЪ Аспазїя намѣреваясь разогнать свою скуку и нѣсколько прогуляться, вышла изЪ

комнаты въ другую, которая окнами была на улицу. Окны были открыты и она услышала, что остановилась у крыльца карета и въ первомъ движенiи выглянула, чтобъ узнать кто прiѣхалъ. Но чтожъ съ нею сдѣлалось, когда узнала Милорда Дервиля! Смутная блѣдность распространилась по ея лицу, и сильное трепетанiе всѣхъ членовъ, заставило ея опасаться обморока; едва могла она дойти до своей комнаты, гдѣ тотчасъ прибѣгнула къ спиртамъ для подкрѣпленiя силъ своихъ.

Госпожа М . . . весьма удивилась, когда вмѣсто Графа Карбери, котораго ожидала, увидѣла его сына. Кто причиною прiѣзда Милорда Дервиля? сказала она съ замѣшательствомъ и принужденною улыбкою; мнѣ помнится, что онъ одинъ разъ только сдѣлалъ честь, былъ у меня въ домѣ. Мудрено бы было, сударыня, отвѣчалъ онъ съ веселымъ видомъ, чтобъ не прiѣхать по вашей убѣдительной прозьбѣ; я надѣюсь, что могу въ семъ случаѣ замѣнить мѣсто своего отца и прiобрѣсть опять хорошее ваше мнѣнiе. Сказавъ сiе, онъ сунулъ ей въ руку десять гвиней. Тогда радость изобразилась на лицѣ сей женщины: все

бы

бы было хорошо, сказала она, но только вашъ батюшка меня безпокоитъ; я дала ему слово, что первую красавицу, которую буду имѣть въ своей власти, сохраню для него: и мои обѣщанія священны. Какая нужда, сказалъ Дервиль, батюшка о томъ не узнаетъ; ваше письмо, которое вы послали къ нему, мнѣ вручено и онъ не видалъ его. Но за чѣмъ терять время; отведите меня къ той прелестной дѣвушкѣ, которую вы столь хорошо описали: я горю желаніемъ ея видѣть. Погодите на часокъ, сказала госпожа М. . . . Вы не знаете Милордъ, какъ осторожно поступать надобно въ семъ дѣлѣ. Тогда расказала она, какимъ образомъ попалась къ ней Аспазія, прибавивъ, что она, какъ кажется, очень невинна и даже нѣсколько дика. Сіи слова увеличили еще желаніе Дервиля спасти нещастную жертву, которая въ сіе время едва могла переводить духъ. Она слушала однакожъ сколько позволяли ея силы; что происходило внизу и не знала, что подумать о пріѣздѣ Милорда въ сей домъ. Наконецъ служанка вошла въ ея горницу и сказала, что одинъ прекрасной молодой человѣкъ желаетъ съ нею видѣться. Лишь только она сіе вы-

говорила, какъ Аспазія вскричала: нѣтъ! нѣтъ, я не могу сойти къ нимъ: это не возможно. Ахъ! естьлибъ вы знали, продолжала служанка, какъ онъ любезенъ и учтивъ. . . . Знаю, очень знаю, сказала Аспазія; но пожалуй, душинька, одолжи меня, (сказавъ сіе, она дала ей полгвинеи) скажи, что ко мнѣ опять пришла лихорадка и у меня очень болитъ голова: право силы мои въ крайнемъ изнеможеніи. Служанки не трудно было тому повѣрить, потому что въ лицѣ ея дѣйствительно была великая перемѣна. Она сошла внизъ и сказала, что ей велѣно. Госпожа М. . . пришла отъ того въ бѣшенство, но Дервиль успокоилъ ее, сказавъ, что назавтра опять къ ней пріѣдетъ, а между тѣмъ просилъ не показывать ее никому во время его отсутствія. Хозяйка на то согласилась; и какъ скоро онъ уѣхалъ, то пошла къ Аспазіи, которую увидѣла въ чрезвычайномъ волненіи, хотя множество слезъ ею пролитыхъ и облегчили ея сердце. Не хотя еще открыться Аспазіи, она сказала только, для чего бы не принять ей такого человѣка, которой пріѣзжалъ къ ней съ пріятными вѣстьми, и могъ даже увѣдомить о бѣдной Катеринѣ?

Боже

Боже мой! вскричала Мисъ Гамбури, обманутая сими словами, я подумала, что сей человѣкъ былъ Милордъ Дервиль. Такъ вы его знаете, спросила съ удивленiемъ госпожа М. . . .? Слишкомъ много, отвѣчала Аспазiя, поднявъ глаза на небо и проливая слезы. Онъ-то принудилъ меня оставить мое спокойное уединенiе, онъ-то причиною всѣхъ моихъ горестей; его убѣгая, подвергла я себя столь великой опасности и безъ вашей благосклонности, безъ вашей великодушной жалости, чтобы со мною сдѣлалось? А! . . . а! . . . Такъ вы уже давно знакомы съ Милордомъ Дервиль, сказала госпожа М. . .? Она произнесла сiи слова весьма страннымъ голосомъ для Аспазiи, и потому сiя смотрѣла на нее съ удивленiемъ. Бѣдная и добродѣтельная дѣвица! скажи мнѣ пожалуй, скромная моя Мисъ, прибавила она, сколько времени вы съ нимъ жили? Я была, сударыня, прiятельница Милади Дервиль и жила въ ея домѣ. Для меня ужасно сказать вамъ, хотя всѣ уже знаютъ ея поведенiе, что одинъ разсудокъ принудилъ меня жить по томъ въ уединенiи. — Да какуюжъ вы имѣли причину не принять Милорда, или, естьлибъ то

былъ и не онъ, но я вамъ его представила? Я не могу васъ понять, сказала Аспазія съ гордостію, и представить себѣ, что заставляетъ васъ говорить со мною такимъ образомъ. Хотя я и имѣю причину жаловаться на Милорда, однакожъ не думаю, чтобъ онъ могъ сказать вамъ обо мнѣ что нибудь худое. Вы мнѣ кажется оба меня обманываете, сказала злобная женщина. Таковыя слова привели Аспазію въ негодованіе; но скрывши его сколько можно, она изъяснилась, что какъ ей жаль, что одолженія, отъ нея полученныя, и за которыя всегда благодарна быть хотѣла, отъ части уничтожались теперь, по причинѣ перемѣны ея поступокъ. — Нѣтъ! нѣтъ, государыня моя, я постараюсь, чтобъ вы мнѣ заплатили за сіи одолженія прежде, нежели мы разойдемся; я вамъ даю въ томъ честное слово (какъ бы громовой ударъ при сихъ словахъ поразилъ Аспазію) и завтра я надѣюсь, что вы съ достодолжною учтивостію примите Милорда Дервиля. Ни завтра, никогда, отвѣчала Аспазія съ сердцемъ, да и какое право имѣете вы, сударыня, къ тому принуждать меня? Еще сего дняжъ хочу выѣхать изъ вашего дома, и на-

навѣдываться сама о моей горничной, о которой, какъ видно по всему, никто и не думалъ.

Думалъ или нѣтъ, прервала хозяйка, но я васъ не выпущу изъ дому, пока вы не заплатите за все, что на васъ издержано. Боже мой! гдѣ я? поблѣднѣвъ и задрожавъ, вскричала Аспазія; не опасайтесь, я заплачу больше, нежели, что чего стоитъ, но не хочу быть вашею плѣнницею. Она вынула кошелекъ и хотя была въ такомъ волненіи, что на силу могла держаться на ногахъ, однакожъ подошла къ ней: сколько вамъ надобно сударыня? Я тотчасъ васъ удовольствую, только чтобъ по скорѣе выйти изъ дому, котораго хозяйку за часъ предъ симъ я почитала Ангеломъ. А какъ же теперь объ ней думаешь, вскричала сія дерзкая женщина, выставивъ кулаки? Аспазія изъ презрѣнія не отвѣчала. Но ради Бога, сударыня, сказала она по томъ, возмите что вамъ надобно: вотъ пять гвиней, и чтобъ я была свободна. Шутишь, миленькая, съ своими пятью гвинеями; въ моемъ домѣ не льзя такъ дешево раздѣлаться. Естьли бы дьяволъ не замѣшался въ наше дѣло и Графъ Карбери

получилЪ письмо, то все бы пошло своимЪ чередомЪ. Сїе имя привело вЪ ужасЪ бѣдную Аспазїю, но она не смѣла спросить. Безчестная ея хозяйка, не притворяясь болѣе, сказала ясно, чтобЪ на другой день она приняла непремѣнно Милорда Дервиля, либо Графа Карбери: понимаешь ли ты меня, малюточка, присовокупила сїя презрительная женщина? и могу ли я надѣяться, что ты покоришься правамЪ моего дома! — ТакЪ, я тебя понимаю, вскричала нещастная Аспазїя, утопая вЪ слезахЪ, ты непотребное чудовище! Но не приводи меня вЪ отчаянїе: я способна ко всему; скажи, сколько я тебѣ должна, и не думай, чтобЪ я осталась здѣсь хотя минуту. Хозяйка, нѣсколько удивленная твердостїю нашей Героини, отвѣчала ей, что скоро всѣ сдѣлаетЪ, и теперь же пойдетЪ за щетомЪ; но естьли вмигЪ не заплатитЪ, то засадитЪ ее вЪ тюрму! СказавЪ сїе, она вышла изЪ комнаты.

МисЪ Гамбури кЪ щастїю своему получила отЪ небесЪ столько же здраваго разсудка, какЪ и духа; и она разсудила, что естьли злобная ея хозяйка узнаетЪ о многихЪ банковыхЪ билетахЪ,

тахъ, которые ей получить надлежало, то предложитъ несносныя требованія, такъ что она едва расплатиться можетъ и придетъ чрезъ то въ бѣдность. Для сего ей казалось гораздо лучше отдаться въ покровительство законовъ; сверхъ того, каковабъ тюрма ни была, казалось для нея менѣе ужасна, нежели домъ, въ которомъ находилась. Послѣ сихъ разсужденій она рѣшилась не предлагать болѣе пяти гвиней, которыя хозяйка уже видѣла.

ГЛАВА XLVII.

Перемѣна жилища.

Госпожа М . . . возвратилась въ комнату Аспазіи съ предлиннымъ реэстромъ; она присоединила къ тому щетъ аптекаря, и сколько надобно было отдать Доктору. Вся сумма простиралась до дватцати пяти фунтовъ стерлинговъ. Я думаю, сказала она, подавая реэстръ, что онъ облегчитъ вашъ карманъ. Впрочемъ отъ васъ зависитъ ничего не платить, когда примите мое предложеніе. Аспазія ничего не отвѣчала. Такъ вы уже рѣшились довести меня до крайности, присовокупило сіе

подлое творенїе? Коли такъ, то не далеко отсюда полицейской Офицеръ, которой исполнитъ свою должность. Я думаю, что это унизитъ нѣсколько вашу гордость. — Какъ вамъ угодно, сударыня, но я не могу заплатить дватцати пяти гиней, тѣмъ, что вы у меня видѣли; правда, что у меня есть еще вещи, но вы знаете, что я не имѣю свѣдѣнїя, гдѣ онѣ теперь находятся. При сихъ словахъ госпожа М. . . . позвонила; взошелъ человѣкъ, и она сказала ему, что господинъ Вардъ можетъ войти; и въ самомъ дѣлѣ онъ тотчасъ явился. Вотъ, сударь, молодая дѣвушка, которую вамъ рекомендую; она мнѣ должна по сему реэстру, и я ей предлагала наилучшее средство, чтобъ расплатиться со мною; но она такъ безразсудна, что недостойна быть щастливою. Мы знаемъ другъ друга, и я надѣюсь, что вы, господинъ Вардъ, меня понимаете. Теперь выслушайте меня, сударь, сказала Аспазїя съ вѣжливостїю Квартальному, внушивъ въ него почтенїе своимъ видомъ. Я Агличанка и хорошей фамилїи, и потому могу надѣяться на покровительство законовъ; но естьли, кто меня обидитъ, то я васъ увѣряю, что

онъ

онъ принужденъ будетъ дать строгой отчетъ въ своихъ поступкахъ. — Естьли я должна находиться подъ вашимъ смотрѣнiемъ, какъ говоритъ Госпожа сiя, то отвезите меня въ безопасное мѣсто, и я вамъ буду весьма благодарна за то, что вы меня вывезите изъ столь безчестнаго дому. Извольте итти, сударыня, сказалъ Вардъ со мною: нѣчего вамъ бояться; очень много хорошихъ барынь прiѣзжали въ домъ мой; велите скорѣй подвезти карету: я желаю нетерпѣливо отсюда выѣхать. Я бьюсь объ закладъ, голубушка, сказала госпожа М. . . что прежде, нежели пройдетъ недѣля, ко мнѣ возвратишься; вы помните господинъ Вардъ, присовокупила она, *Патти Корбинъ*. Бѣдная Милютка! теперь она каждой день щастлива.

Карета была подана и бѣдная Аспазiя съ радостiю приготовилась къ отъѣзду. Хозяйка съ насмѣшливымъ видомъ пожелала ей добраго пути. О! я надѣюсь, вскричала Аспазiя, что навсегда разстанусь съ тобою! Какъ я могу когда нибудь уважать тебя, когда ты непотребная женщина! Бѣдная! какое благополучiе ты снискать можешь, погубляя невинныя творенiя? — Думаешь ли ты, что Ан-

тель смерти забудеть поразить тебя? Знай, что вь сію послѣднюю минуту тысяча нещастныхъ возстануть противъ тебя, и ты непремѣнно будешь наказана!

Красота и благородной видъ Аспазіи придали столько силы симъ словамъ, что Квартальной, казалось, былъ пораженъ удивленіемъ; онъ посадилъ ее въ карету съ изъявленіемъ глубокаго почтенія, и сказавъ кучеру свою квартеру, сѣлъ возлѣ нее. Дорогою спросила Аспазія, что, сколько времени должно было ей у него пробыть. Ахъ! сударыня отвѣчалъ онъ, естьли въ 24 часа вы не заплатите по щету госпожи М. . . то васъ отправятъ въ Невгатъ. Я постараюсь всевозможно избѣжать сего нещастія, сказала печальная Аспазія. Господинъ Вардъ увѣрилъ ее по томъ о своихъ услугахъ, и она прибыла въ домъ его въ Карристритѣ. Онъ ввелъ ее въ весьма чистую комнату; но у окошекъ были желѣзныя рѣшетки, что заставило ее оробѣть: она собрала однакожъ всѣ свои силы, и бросившись на колѣни, благодарила небеса за избавленіе. Господинъ Вардъ предложилъ ей подкрѣпить чѣмъ нибудь свои силы: онъ еще не обѣдалъ.

Аспа-

Аспазія хотя и не имѣла аппетиту, но желая пріобрѣсть дружество господина Варда, дала гвинею и просила, чтобъ онъ приказалъ изготовить обѣдъ. Аспазія написала по томъ новую записку, чтобъ ввечеру публиковали оную въ газетахъ, будучи весьма увѣрена, что прежде она была обманута.

Оставимъ на нѣсколько времени нашу Героиню, углубившуюся въ собственныхъ размышленіяхъ, и, которая расположилась переночевать въ домѣ Господина Варда, возвратимся къ Милорду Дервилю, о которомъ мы не говоримъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ съѣхалъ съ Королевской площади, съ весьма хорошо расположеннымъ сердцемъ къ нещастной молодой дѣвушкѣ; ибо онъ видѣлъ, въ какихъ она ужасныхъ находилась рукахъ; а для того рѣшился употребить всѣ возможности, чтобъ ее избавить. Въ пять часовъ онъ былъ приглашенъ обѣдать къ господину Траверсу и послѣ стола говорили они о новостяхъ. Желая показать своему дядѣ одинъ артикулъ, которой ему казался важнымъ, онъ взялъ газеты, чтобъ сыскать оной, и перебирая листы, усмотрѣлъ слѣдующее извѣстіе:

Одна молодая дѣвица, ѣдучи изъ Горнчорчъ — Эссекса въ понедѣльникъ, то есть 24 Сентября, съ горничною дѣвкою, называемою К . . . В . . . и подъѣзжая къ Пикадиліи, имѣла нещастіе, что коляска ея изломалась возлѣ церкви Святаго Іакова. Во время сего приключенія не знаетъ и сама какимъ образомъ разсталась она съ вышеозначенною своею дѣвкою, оставя при ней всѣ свои пожитки. Горничная дѣвка, о которой говорится, живетъ у господина Вилсона, купца, живущаго противъ церкви Святаго Іакова; молодая дѣвица большаго роста и волосы имѣетъ темнорусые; въ день сего приключенія они были перевязаны черною лентою и упадали въ букляхъ по ея плечамъ. Она была одѣта въ черномъ платьѣ, шляпа была на ней такого же цвѣта съ перьями, въ рукахъ имѣла она трость съ золотымъ наболдашникомъ, на которомъ вензень связанъ изъ литеръ А. Г.

Боже мой, сказалъ Милордъ Дервиль своему дяди, видѣли ли вы сіе извѣстіе? И показавъ оное, онъ расказалъ ему, что случилось съ нимъ сего утра, такъ какъ и о письмѣ, которое его побудило къ тому. Такъ точно, отвѣ-

чалъ

чалъ господинъ Траверсъ, вставъ поспѣшно съ своего мѣста: это не иной кто, какъ Мисъ Гамбури попалась въ руки ужасной твари. Поспѣшимъ къ ней на помощь. Они и въ самомъ дѣлѣ тотчасъ поѣхали. Какъ ужъ они были на Королевской площади, то Дервиль просилъ своего дядю остаться въ каретѣ, опасаясь, чтобъ при первой встрѣчѣ не сдѣлать ей досады; и такъ онъ одинъ пошелъ въ горницу госпожи М. . . . . которая лишь только его увидѣли, побѣжала къ нему на встрѣчу. Ну, вотъ хорошо, сказала она, что вамъ теперь дѣлать? Желѣзо тогда должно ковать, когда оно горячо. Что до меня касается, то я никогда не видывала такой фуріи; но мнѣ кажется, что я поубавила ее гордости. Что ты съ нею сдѣлала? вскричалъ Дервиль гордо и съ грознымъ видомъ. Знай, что та особа, о которой ты говоришь, изъ лучшей фамиліи, и естьли ты ее какимъ нибудь образомъ обидѣла, то адскія мученія едва достаточны къ твоему наказанію Гдѣ она? я хочу видѣть ее сію минуту. Боже мой, отвѣчала, нѣсколько испугавшаяся хозяйка, успокойтесь Милордъ, я не сдѣлала никакого зла сей прекрасной

кой дѣвицѣ; но она мнѣ много должна денегъ и ей надобно ихъ заплатить; я никогда не видывала такой упрямицы. Не довольно ли учтива я была передъ нею, когда посылала принять васъ? Нѣтъ, отвѣчала она служанкѣ съ запальчивостїю, никогда не хочу я его видѣть — Меня видѣть, поспѣшно сказалъ Дервиль, конечно не знала она, что то былъ я. — Она то очень — Какъ! ей сказано было мое имя, и она не хотѣла принять моего посѣщенїя? О! трудно мнѣ теперь пересказать вамъ и половину, отвѣчала хозяйна, что тогда она говорила: она сказывала, что вы причиною всѣхъ ея горестей, что, убѣгая васъ, подвергла себя крайней опасности, и чтобъ лучше отъ васъ скрыться, то она соглашается даже итти въ тюрму; можетъ быть она теперь и тамъ, потому что я отдала ее въ руки Квартальнаго Офицера! Въ тюрмѣ? и для того, чтобъ не видать меня? О! любезная моя Аспазїя, сколь тягостна твоя участь! Онъ тотчасъ бросился къ своему дяди, чтобъ пересказать ему, что слышалъ. Честной Траверсъ лишился своей твердости при семъ раскazыванїи; онъ хотѣлъ было зажечь сей домъ и умер-

умертвить всѣхъ въ немъ живущихъ. Племянникъ старался всячески его успокоить. Ради Бога, дядюшка, говорилъ онъ ему, не будемъ терять времени, поспѣшимъ на помощь бѣдной Аспазїи! Я не знаю, что принудило ея на меня осердиться; но я долженъ почитать всѣ ея чувствованїя, и потому не покажусь ей безъ ея позволенїя. Поѣзжайте вы къ Варду, а я поѣду въ домъ Вилсона. — Онъ и въ самомъ дѣлѣ черезъ четверть часа туда прїѣхалъ и нашелъ бѣдную Катерину, еще больную; а какъ она не имѣла никакого извѣстїя о своей госпожѣ, то печаль, раздирающая ея сердце, усугубляла болѣзнь ея. По щастїю она попалась въ добрыя руки; все было употреблено къ ея утѣшенїю и во многихъ газетахъ публиковано было о Мисъ Гамбури, но безъ сомнѣнїя честная хозяйка то отъ нее скрывала.

Добродушная Катерина плакала какъ робенокъ, когда Милордъ Дервилъ увѣдомилъ ее, что тотчасъ можетъ она увидѣть свою госпожу. Да и подлинно взявъ бѣлье, нѣсколько платья, которое щитала для нее нужнымъ, она тотчасъ

часъ сѣла въ карету съ Милордомъ и поѣхала.

ГЛАВА XLVIII.

Щастливое свиданіе.

Между тѣмъ, какъ господинъ Вардъ занимался приготовленіемъ обѣда, Аспазія вынула изъ шляпы два банковые билета, которые были скрыты подъ подкладкою; и какъ онъ опять вошелъ, то Аспазія сказала ему, что желаетъ имѣть двухъ свидѣтелей, передъ которыми она заплатитъ по щету госпожѣ М. . . . Я бы тотчасъ могла расчесться съ нею, сказала она, но я разсудила за лучшее быть подъ вашимъ покровительствомъ, нежели остаться у сей непотребной женщины, и весьма увѣрена, что не стану въ томъ раскаиваться. Теперь уже поздо и я расположилась переночевать въ вашемъ домѣ, но завтра очень рано я расплачусь съ госпожею М. . . . . Ибо какъ вамъ самимъ извѣстно, что въ противномъ случаѣ мнѣ надобно быть въ Невгатѣ. — О! сударыня, отвѣчалъ Вардъ, столь прелестная особа, какъ вы, всегда найдетъ людей,

го-

готовыхъ къ своимъ услугамъ. — Аспазія, будучи довольна обязательнымъ видомъ своего хозяина, сказала ему, что можно взять въ свидѣтели и его служителей. — Они тотчасъ были призваны и Аспазія вручила деньги господину Варду, которой въ полученіи оныхъ далъ ей росписку, подписанную двумяжъ свидѣтелями.

Какъ сіе дѣло уже было кончено, то доложено, что нѣкоторой дворянинъ спрашивалъ молодую госпожу, не давно пріѣхавшую въ сей домъ. — Ради Бога не впущайте его, сказала Аспазія: я не могу его видѣть. — Кто онъ таковъ, спросилъ Вардъ? — Старикъ, отвѣчалъ слуга, съ свѣтлорусыми волосами; онъ сказывалъ, что его имя Траверсъ. — Траверсъ, повторила съ восторгомъ Мисъ Гамбури, пустите его поскорѣе! Сказавъ сіе, она побѣжала къ нему на встрѣчу. Доброй Траверсъ, которой былъ уже на крыльцѣ, простеръ свои объятія, и она бросилась къ нему. Любезная моя и божественная Аспазія! вскричалъ онъ, небо возвратило мнѣ тебя по моему моленію; и въ сію минуту радостныя слезы потекли по его почтеннымъ щекамъ. Онъ отнесъ Аспазію на кресла,

по-

потому что она была готова упасть въ обморокъ, и взявъ со стола графинъ воды, которая была приготовлена къ обѣду, далъ ей нѣсколько выпить. Какъ она совершенно опомнилась; то просила, чтобъ оставили ихъ наединѣ. Тогда онъ спрашивалъ ее, что побудило ее оставить Гарнгоршъ, не сказавши ему, ниже кому либо изъ родственниковъ? При семъ вопросѣ глаза Мисъ Гамбури наполнились слезами; она отворотила голову, желая скрыть оныя отъ своего друга. По томъ взглянувъ на него, съ нѣкоторою убѣдительностію сказала: мое намѣреніе можетъ вамъ показаться страннымъ; но повѣрьте, что я бы того не сдѣлала, естьлибъ не была принуждена къ тому. Однакожъ, позвольте мнѣ скрыть отъ васъ на всегда побудительную причину моего отъѣзда, хотя и увѣрена, что вы похвалите сей мой поступокъ? Такъ, любезная дочь, я увѣренъ, что ты всегда послѣдуешь разсудку и благоразумію; но скажи, какимъ образомъ могъ прогнѣвать тебя мой племянникъ? Я слышалъ, что не хотѣла его видѣть. Могла ли я принять какого бы то ни было человѣка въ томъ безчестномъ домѣ, въ которой я попалась, сказала съ

замѣшательствомъ Аспазія, да и могу ли я видѣть Милорда Дервиля въ настоящемъ моемъ положеніи? Но теперь не можете ли вы при мнѣ допустить его предъ себя на нѣсколько минутъ? Я увѣряю тебя, что мысль, будто бы прогнѣвалъ тебя, сдѣлаетъ его весьма нещастливымъ. — Вашъ племянникъ можетъ сказать причину, которая заставляетъ меня не видать его, не только въ сію минуту, но и никогда. Будьте увѣрены, что огорчительно для меня видѣть себя принужденною отказаться исполнить желаніе ваше; но я васъ всепокорно прошу о томъ, чтобъ вы не принуждали меня изъяснить мой поступокъ. Онъ непремѣнно долженъ быть таковъ, и естьли удостоите своего одобренія, не изыскивая причину онаго, то усугубите, ежели возможно, мое къ вамъ почтеніе и преданность.

Г. Траверсъ проникнувъ, что сіе время не было способно къ объясненію, увидѣвъ также, что пріѣхала бѣдная Катерина, которая въ радости своей обнимала многократно госпожу свою, оставилъ ихъ одныхъ. Милордъ Дервиль оставилъ также, не видавши Аспазію.

Аспазія поблагодаривъ господина Варда, и простясь съ нимъ, поѣхала въ каретѣ съ Катериною къ Вилсону. По пріѣздѣ туда она легла въ постелю; но волненіе души, возмущавшее ея цѣлой день, не позволяло ей ни долго успокоиться; и потому она встала очень рано, и разговаривала съ госпожею Вилсонъ. Сія увѣдомила ея, что имѣла сестру вдову, которая жила въ Гендонѣ, въ Мидлессексѣ.

Аспазія тотчасъ рѣшилась удалиться туда, да и въ самомъ дѣлѣ въ тотъ же день отправилась въ путь съ вѣрною своею Катериною, наградивъ Вилсона за безмѣрныя попеченія ея дѣвки въ продолженіи ея болѣзни. Передъ отъѣздомъ изъ города къ Г. Траверсу изъявила она живѣйшую признательность; но ей не разсудилось сказать притомъ, куда ѣхала. Она просила даже Вилсона и его жену, чтобъ никому не открывать ея жилища, какъ бы о томъ ни спрашивали. Господинъ Траверсъ принуждалъ неоднократно своего племянника, чтобъ онъ сказалъ ему, какая была его вина предъ Мисъ Гамбури; потому что ни мало не понималъ того, за что она на него осердилась. Милордъ Дервиль, какъ ему

ему казалось отвѣчалъ чистосердечно; онъ увѣрялъ своего дядю, что ничего не дѣлалъ такого, чѣмъ бы могъ досадить сей прекрасной дѣвицѣ; что безъ сомнѣнія излишняя ея нѣжность была всему виною, и онъ уважая ея волю, былъ самой нещастной человѣкъ.

ГЛАВА XIIX.

Спокойствіе.

Послѣ того, что претерпѣла Аспазія въ Лондонѣ, первые дни въ уединеніи казались ей то весьма пріятными; но ахъ! такое спокойствіе было только наружное; ея сердце ощущало тысячи мучительныхъ чувствованій; когда предавалась она размышленію, то не видала того, что была нещастлива, принуждена будучи скрываться, оставить свѣтъ, она не имѣла и друга. Кошелекъ ея истощился такъ, что едва могла прожить да Октября мѣсяца, въ которомъ ей надлежало получить отказанное имѣніе. Но какъ сіи бѣдственныя обстоятельства были легки въ сравненіи съ другими; поношеніе со стороны младенческихъ лѣтъ, обманъ отъ тако-

го человѣка, на котораго полагала всю свою довѣренность. Вотъ что нарушало ея спокойствіе, что исполняло дни ея неизъяснимою горестію. Между тѣмъ употребляла всѣ усилія, чтобъ истребить изъ своихъ мыслей Дервиля, говаривала она, я должна позабыть его: воспоминаніе объ немъ раздираетъ мое сердце. О! безъ сомнѣнія онъ меня презираетъ. Сія, столь нѣжная и почтительная любовь, которая заставляетъ меня сожалѣть объ немъ, была только подлая страсть; моя пагуба, мое безчестіе могло его удовольствовать. Боже мой! до какой степени я обманута. Было время, когда я думала объ немъ, какъ о совершеннѣйшемъ твореніи; но теперь должна почитать его самымъ порочнымъ человѣкомъ.

Катерина имѣла высокое мнѣніе о своей госпожѣ, и не зная побудительныхъ причинъ, по которымъ она поступала, думала, что ужъ они вѣрно были всегда разсудительныя. Хотя она и видала ея часто въ задумчивости и печали, но не смѣла спрашивать, отъ чего то происходило, а только старалась развеселять ея. Зная, что госпожа ея очень любила дѣтей, она искала лучшихъ въ

де-

деревнѣ, которыя и въ самомъ дѣлѣ своими играми и невинными разговорами занимали ея нѣсколько минутъ. Аспазія тѣмъ охотнѣе предалась сей забавѣ, что ея чувствительное сердце видѣло намѣреніе добродушной Катерины, и находило въ томъ, чтобъ оному соотвѣтствовать пріятнѣйшія удовольствія, какъ ея. Склонность дѣлать другимъ добро, не могла уменьшиться, не смотря ни на какія обстоятельства. То она провождала часть дня въ обученіи молодыхъ дѣвушекъ, и въ посѣщеніи больныхъ, или дряхлыхъ. Жизнь ея у вдовы была весьма умѣренна, и потому всегда могла она давать по нѣскольку денегъ нещастнымъ. Поступки нашей Героини были наставительнымъ урокомъ для всей деревни.

Госпожа Валькеръ, (такъ называлась вдова, у которой она жила) почитала ея какъ Ангеломъ, снизшедшимъ съ небесъ для ихъ благополучія. Катерина не опустила объявить ей, что госпожа ея была весьма знатной породы, и что лишилась имѣнія по злодѣйству родственниковъ, которымъ ничего, кромѣ добра, не сдѣлала. Сіе повѣствованіе размножило еще удивленіе вдовы, которая бла-

годарила Бога за ниспосланіе въ домъ существа, столь благодѣтельнаго.

ГЛАВА L.

Важное открытіе.

Аспазія возвратившись однажды ввечеру послѣ прогулки по деревнѣ, услышала отъ Катерины, что вѣрно случилось съ госпожею Валькеръ великое нещастіе; что сія бѣдная женщина получа чрезъ почту письмо, пришла въ отчаяніе; и что она тотчасъ уѣхала, нашедши по щастію мѣсто въ телѣгѣ, ѣдущей въ Лондонъ; что наконецъ она обѣщала непрежде возвратиться, какъ на другой день ввечеру. — Боже мой! какъ мнѣ досадно, что меня здѣсь не было, сказала Аспазія, я бы постаралась ея утѣшить. Она провела весь вечеръ въ размышленіи о нещастіи сей добродушной женщины, и ожидала съ нетерпѣливостію ея возвращенія, которое на другой день въ скорѣ послѣ обѣда и воспослѣдовало. Госпожа Валькеръ весьма устала, потому что пришла пѣшкомъ изъ Кингтона. Мисъ Гамбури сдѣлала нѣжной выговоръ, для чего не искала случаю домой пріѣхать? Что

ну-

нужды до тѣла, отвѣчала нещастная вдова, когда душа неспокойна и сердце терзается! Смерть для меня благополучїе: ибо жизнь протечетъ безъ того въ отчаянїи и безславїи. Аспазїя употребила всѣ свои силы, чтобъ ее успокоить; просила усердно раздѣлить съ нею свои горести, и увѣриться, что она всячески постарается помочь ей. Тогда госпожа Валькеръ, заливаясь слезами, увѣдомила, что печаль ея не могла быть долгое время втайнѣ; что она видѣла своего сына, единственнаго сына въ тюрмѣ Кингстонской, гдѣ онъ заключенъ, какъ злодѣй. Чувствительное сердце нашей Героини было поражено горестїю, когда она усмотрѣла настоящее положенїе сей нещастной матери. Можетъ быть, сказала она, что вашъ сынъ не виноватъ, и потому должно стараться о его спасенїи. Нѣтъ, отвѣчала вдова, я не могу того и подумать, и больше имѣю причины заключать, что онъ виновенъ. Ахъ! что касается до меня, то я претерплю охотно самую жесточайшую смерть; но сынъ мой. . . , сынъ. . . , тотъ, которой служилъ мнѣ единственнымъ утѣшенїемъ послѣ смерти моего мужа и трехъ дѣтей, драгоцѣнныхъ моему серд

цу. . . . Ежедневно благодарила я Бога, что онъ сохранилъ мнѣ сей залогъ супружеской любви. Но, о Боже! должно ли, чтобъ онъ жилъ для того токмо, чтобъ испустить послѣднее дыханіе въ безславіи и поношеніи, и чтобъ нещастная мать его видѣла на эшафотѣ?

Боже мой! вскричала Аспазія, развѣ никакъ уже не льзя вамъ помочь ему? Развѣ нѣтъ у васъ друзей, на которыхъ бы вы могли надѣяться? Нещастной сынъ мой, отвѣчала бѣдная мать, говорилъ мнѣ объ одномъ Дворянинѣ, на котораго онъ всегда много полагался; онъ два раза писалъ уже къ нему, не получивъ отвѣта; вручилъ мнѣ третіе письмо, которое должна я переслать по почтѣ; и естьли я задержала его, то сіе для того, что оно надписано къ вашему однофамильцу. Я думала, что вы можетъ быть знаете сего Дворянина; и что тогда одного вашего слова будетъ довольно, чтобъ онъ вступился за моего сына. Сказавъ сіе она подала письмо, съ слѣдующею надписью:

Ричарду Гамбури,
Въ замкѣ Гамбури
Въ Ворчестерширѣ.

Страхъ Аспазїи былъ столько же великъ, какъ и ее удивленїе при видѣ сего письма. Она приходила въ трепетъ при помышленїи, что человѣкъ, почти осужденный на смерть, былъ въ связи съ ея дядею, которой также во многихъ преступленїяхъ былъ уличаемъ; а по сему думала она, что распечатавъ письмо, не могла узнать ни о чемъ болѣе, какъ только о какихъ либо ужасныхъ дѣлахъ. Впрочемъ и поступокъ сей казался ей предосудителенъ. Небеса, сказала она, могутъ наказать его; но мнѣ — мнѣ надобно болѣе скрывать его поступки, нежели выводить ихъ наружу. Пусть пользуется онъ моимъ имѣнїемъ: бѣдность не можетъ устрашить меня. Сохраняя чистую совѣсть, я никогда не буду нещастна. Послѣ сего она возвратила письмо госпожѣ Валькеръ, и просила отправить его немедленно, сказавъ, что сей Ричардъ Гамбури былъ ея дядя; но какъ фамильныя обстоятельства поссорили ихъ между собою; то она не могла писать къ нему въ

пользу ея сына, потому что опасалась болѣе сдѣлать чрезъ то вреда, нежели пользы. Послѣ таковыхъ словъ Аспазія вышла. Катерина не послѣдовала за нею, единственно для того, чтобъ роптать, для чего госпожа ея не распечатала письма? Она говорила, что такая разборчивость, чтобъ прикрывать преступленія своего дяди, была чрезчуръ ужъ лишняя; что всякой зналъ, что при помощи ложнаго завѣщанія онъ владѣетъ теперь имѣніемъ; что также подозрѣваютъ его въ смерти брата, и что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ онъ покушался на честь своей невѣстки: за то самое и былъ выгнанъ изъ замка. — Госпожа Валькеръ, трепетала при семъ повѣствованіи, и еще болѣе начала удивляться великодушію Аспазіи. Богобоязненное ея сердце поставляло должностію во всякомъ случаѣ платить добромъ за зло, въ надеждѣ на Провидѣніе, которое тогда одно только было единственная ея подпора. А по сему она все еще надѣялась, что можетъ избавить отъ смерти своего сына; но вскорѣ по томъ получила письмо, чрезъ которое просилъ онъ ее повидаться съ нимъ немедленно; и какъ она имѣла то щастіе,

стіе, что жила Аспазія въ ея домѣ, то онъ всепокорно просилъ сію госпожу пріѣхать въ его темницу для нѣкоторыхъ очень важныхъ дѣлъ. Онъ писалъ сверхъ того, что не могъ уже надѣяться на Ричарда Гамбури, которой вмѣсто того, чтобъ стараться о его спасеніи, своими расказами въ судѣ ускорилъ его погибель.

По прочтеніи сего письма госпожа Валькеръ впала въ столь глубокое отчаяніе, что Мисъ Гамбури тотчасъ рѣшилась ѣхать съ нею въ Кингстонъ, не зная, что того самаго желаетъ и заключенный. Катерина поѣхала съ нимижъ; и какъ скоро она вошла въ тюрьму, то увидѣвъ молодаго человѣка, вскричала она: да я васъ видала въ небольшой деревнѣ возлѣ замка Гамбури; за нѣсколько дней передъ кончиною добродушнаго нашего господина вы пріѣзжали за дѣломъ, которое имѣли съ злобнымъ Ричардомъ.

О мой сынъ! сказала послѣ сего бѣдная мать, бросившись къ нему на шею. Ради Бога признайся во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ! Скажи намъ, участвовалъ ли ты въ раззореніи сей любезной и достойной дѣвицы? — Жизнь мало значитъ; я надѣюсь, что ты познакомился

уже

уже съ своимъ жребїемъ; но помысли о вѣчности, помысли о томъ, что съ чистосердечнымъ раскаянїемъ ты можешь заслужить милость Всемогущаго. — Естьли жесточайшїя угрызенїя могутъ укротить гнѣвъ Небесной, сказалъ заключенной, то я осмѣливаюсь уповать на милость Божїю? Съ радостїю услышалъ я, что Мисъ Гамбури у васъ находилась въ домѣ, и я могу возвратить немедленно ей имѣнїе; такъ, я одинъ причиною, что она его лишилась, и я служилъ оружїемъ подлецу въ его злодѣйствѣ. Я не ропщу на свою участь: законы справедливо меня наказуютъ! Напротивъ того благодарю Бога, что даетъ мнѣ время и средство не только раскаяться, но и возвратить добродѣтельнѣйшей женщинѣ все то, что ей по справедливости принадлежитъ. Тогда расказалъ онъ Мисъ Гамбури, что имѣвъ нещастїе познакомиться съ ея дядею, онъ былъ вовлеченъ во всѣ его злобныя намѣренїя, и сдѣлавъ то завѣщанїе, которое лишило ея наслѣдства, такъ какъ и все то, что относилось къ семужъ ужасному дѣлу. Читатель о семъ довольно уже извѣстенъ. Онъ присовокупилъ, что Ричардъ Гамбури небреженї-

емъ, которое безъ сомнѣнія произошло отъ воли Провидѣнія, оставилъ у него завѣщаніе, и что сіе завѣщаніе онъ хранилъ, чтобъ принудить его, въ случаѣ нужды, дать себѣ денегъ; что до сего времени онъ не имѣлъ такого случая; но будучи взятъ подъ стражу за поддѣланной банковой билетъ на довольно знатную сумму, и не наскучивъ еще жизнію, отписалъ къ Ричарду, чтобъ онъ ему помогъ; но какъ дѣло взяло другой оборотъ, то ему не остается теперь, какъ только благодарить Бога; и что наконецъ онъ не токмо не страшится смерти, но даже самъ желаетъ ея, какъ средство къ очищенію своихъ преступленій. — Вотъ, милостивая государыня, примолвилъ онъ, говоря къ Аспазіи, завѣщаніе вашего дѣда: оно положено въ сей записной книжкѣ; призовите нѣсколько честныхъ людей, передъ которымибъ я могъ учинить признаніе и возвратить всѣ ваши права. Аспазія послала тотчасъ за Священникомъ, которой съ двумя другими особами выслушалъ признаніе отъ заключеннаго. Аспазія ни могла не удивляться путямъ Провидѣнія, какими оно возвратило ей все ея наслѣдство. — Она отписала въ ту же

же ночь къ Эдуарду, чтобъ предупредить его о семъ чудномъ произшествіи, и чтобъ онъ съ своею фамиліею не дождался прибытія служителей правосудія въ замокъ Гамбури. Ея весьма трогала печаль, каковую ощутитъ ея двоюродной братъ, коего она отличала отъ всей его родни: потому что онъ никогда не былъ виновенъ предъ нею, и не участвовалъ въ худыхъ предпріятіяхъ своего отца. Весьма ей было желательно то, чтобъ дядю ея не взяли въ тюрьму: сего сдѣлать было не возможно и едва они имѣли столько времени, чтобъ послать нарочнаго въ замокъ Гамбури, дабы онъ бѣжалъ оттуда; самажъ она рѣшилась остаться въ Кингстонѣ, чтобъ утѣшить нещастную Валькеръ, которая не хотѣла растаться съ своимъ сыномъ. Священникъ, которой былъ человѣкъ кроткой и мягкосердечной, показывалъ также всевозможныя усилія. Онъ пріуготовлялъ молодаго человѣка къ смерти, и нашедши въ немъ истинно раскаявшагося, поселилъ въ немъ надежду на милосердіе небесъ. Бѣдная мать ощущала нѣкотораго роду утѣшенія, видя добрыя чувствованія своего сына, и будучи подкрѣпляема нѣжностію

и ласками Аспазіи, предалась совершенно своему жребію и отказавшись отъ всѣхъ благъ сего свѣта, надѣялась въ будущемъ получить вѣчную награду.

ГЛАВА LI.

Печальное окончаніе.

Письмо Мисъ Гамбури, такъ какъ она надѣялась, дошло въ замокъ нѣсколькими часами прежде посланныхъ отъ правосудія. Нещастной Эдуардъ, узнавъ почеркъ Аспазіи, распечаталъ его съ восхищеніемъ; но о Боже! что съ нимъ сдѣлалось при чтеніи онаго? Его отецъ преступникъ, и долженъ быть скоро повергнутъ въ мрачную темницу! — Онъ не могъ перенесть столь огорчительной мысли; бѣдственное письмо выпало изъ рукъ его и онъ повалился на полъ, лишенный всѣхъ чувствъ. Стукъ, отъ паденія произшедшій, заставилъ войти его отца, которой находился тогда въ ближней горницѣ. Онъ испугался, увидя своего сына въ обморокѣ, и бросился помогать ему; но примѣтя письмо возлѣ его, онъ заключилъ, что оно было причиною такого состоянія его сына и въ пер-

первомъ движенiи началъ читать его. Въ сiе время опомнился Эдуардъ, но въ такомъ замѣшательствѣ, что не могъ произнести ни слова. Голова его печально приклонилась къ груди, и онъ ожидалъ въ молчанiи, чтобъ отецъ его окончилъ чтенiе пагубнаго письма. Ричардъ Гамбури кончилъ и пришелъ въ чрезвычайное бѣшенство, въ которомъ стократно проклиналъ Валькера и свою оплошность, имѣвшую толь дурныя слѣдствiя. Эдуардъ, ставши на колѣни, просилъ его успокоиться, а особливо о томъ, чтобъ его служители того не услышали. Онъ умолялъ его скрыться немедленно, говоря, что всюду за нимъ послѣдуетъ и будетъ раздѣлять его участь. Ричардъ вмѣсто отвѣта бросилъ на него суровой взоръ и вышелъ.

Не прошло еще минуты по выходѣ изъ комнаты, какъ Эдуардъ услышалъ пистолетной выстрѣлъ, раздавшейся въ его сердцѣ, и его окаменивши; собравшись съ силами, онъ вскричалъ: о родитель мой! . . . . . И бросился въ ту комнату, откуда происходилъ выстрѣлъ. Тутъ нашелъ онъ нещастнаго виновника дней своихъ, плавающаго на полу въ крови своей; при вспоможенiи служи-

телей

шелей онъ положилъ его на постелю и позвалъ послѣ того лѣкаря, которой сказалъ, что ему не болѣе времени жить оставалось, какъ сколько нужно было для приведенія дѣлъ въ порядокъ. Эдуардъ усильно просилъ своего отца, чтобъ позвалъ Священника и примирился съ небомъ. — Никогда! Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ, адъ подъ моими ногами, и я не могу его избѣгнуть. Я умертвилъ своего брата, причинилъ смерть любезной Матильдѣ. Моя жизнь есть сплетеніе преступленій, которыхъ ничто загладить не можетъ. Расказалъ ихъ всѣ, проклиная самого себя. Разумъ его часъ отъ часу болѣе мѣшался, и онъ умеръ среди мучительныхъ судорогъ. Пріѣхали судьи, какъ онъ испускалъ уже послѣднее дыханіе. Господинъ Томкинсъ увѣдомилъ чрезъ письмо Мисъ Гамбури о семъ ужасномъ произшествіи, и она плакала горько, читая такое печальное извѣстіе.

Жамесъ Гамбури по смерти Доктора Бернарда былъ выбранъ на его мѣсто. Но въ сіе время, не зная какъ поступитъ Аспазія, онъ отправился съ Эдуардомъ и Марьею къ своей матери въ Лондонъ. Сія злобная женщина приняла ихъ очень худо и не щадила памяти своего му-

жа. Бѣдной Эдуардъ не могъ слушать того безъ смертельнаго огорченія. Невинное и отъ природы чувствительное сердце его съ трудомъ могло переносить настоящее положеніе. Онъ не видалъ вокругъ себя, кромѣ горестныхъ предметовъ и совершенно былъ лишенъ надежды, чтобъ увидѣть когда либо утѣшеніе.

ГЛАВА LII.

Возстановленіе.

Мисъ Гамбури уговорила наконецъ нещастную Валькеръ оставить своего сына, которой черезъ три дни долженъ былъ итти на эшафотъ; но жестокая лихорадка подхвативъ сего молодаго человѣка, и въ двадцать четыре часа повергла во гробъ. Съ благодареніемъ приняла сіе приключеніе нещастная мать, и ни о чемъ уже болѣе не думала, какъ только, чтобъ слѣдовать за Аспазіею, которая предложила ей быть у нее клюшницею. Мысль, никогда не разлучаться съ тою, которую почитала земнымъ Ангеломъ, доставила ей давно незнаемое удовольствіе. А какъ дорога въ

въ замокъ Гамбури лежала чрезъ Гондонъ, то госпожа Валькеръ забравъ всѣ свои пожитки, отправилась съ Аспазїею. Наша Героиня по прїѣздѣ своемъ не чувствовала той радости и удовольствїя, каковоебъ конечно ощутили многїе молодые люди въ подобномъ положенїи; болѣзненныя воспоминанїя наполняли ея сердце, и какъ дружество престало быть подпорою онаго, то она не находила никакого утѣшенїя въ жизни. Полгода протекло какъ она оставила замокъ Гамбури, и теперь возвратилась опять; жители сосѣдственныхъ хижинъ встрѣтили ея тысячью радостными восклицанiями. Ахъ! сколь недостаточны для благодѣнствїя почести и богатства! Глаза Аспазїи были наполнены слезами, въ то время, какъ воздухъ звучалъ похвалами въ честь ея.

Какъ скоро осталась она свободна, то тотчасъ вспомнила о своихъ родственникахъ и отписала къ Эдуарду, что желалабъ, дабы братъ его досталъ себѣ мѣсто; что щитая его не очень способнымъ къ духовному званїю, предлагала ему денежную сумму за всѣ его церковные доходы; при чемъ онъ могъ жить

тамъ, гдѣ ему будетъ угодно; что давала Марьи четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ; а его просила принять шестьдесятъ тысячь фунтовъ и мѣсто друга ея, Доктора Бернарда, въ случаѣ, естьли по зрѣломъ разсужденіи покажется ему пріятно.

Эдуардъ чувствительно былъ тронутъ толикими знаками благосклонности со стороны Аспазіи. Его братъ старался увѣрить его, что она была влюблена въ него, и что ему легко было получить ея руку; но Эдуардъ, видѣвъ премножество опытовъ ея безпристрастія, не согласился тому вѣрить. Онъ отвѣтствовалъ къ ней съ изъявленіемъ всей своей признательности, и объявилъ, что принимаетъ ея дары, выключая Докторскаго мѣста; ибо въ такомъ случаѣ онъ находился бы близко отъ нея, а потому жилъ бы во всегдашней опасности; что Франція, въ которой онъ уже былъ, нравилась ему болѣе всѣхъ земель, и что онъ тамъ намѣренъ проводить свое время; но что отдаленіе не помѣшаетъ ему безпрестанно проливать теплыя мольбы о ея благоденствіи; ибо собственная его жизнь не могла иначе быть для него пріятна, когда она не будетъ

совершенно щастлива. Онъ писалъ сверхъ того, что Марья и братъ его рѣшились удалиться въ Коркширъ. Они и дѣйствительно туда поѣхали, но не нашли другаго удовольствія, кромѣ того, что сходны были ихъ нравы: ибо никто не любилъ ихъ и они принуждены были жить одни.

ГЛАВА LIII.

Возвращеніе золотаго вѣка.

Спустя нѣсколько дней по прибытіи въ замокъ Гамбури, Аспазія поѣхала прогуливаться верхомъ. Задумчивость, въ которую она погрузилась, препятствовала ей разсматривать проѣзжаемыя мѣста, и она безъ намѣренія очутилась въ небольшой долинѣ, гдѣ жилъ честной Гренвудъ; узнавши сіи мѣста, она воздохнула; глаза ея наполнялись слезами, и она хотѣла было удалиться; но почто убѣгать тѣхъ предметовъ, которые надлежало ей видѣть почти всякой день? — На что отвращать глаза, когда воображеніе все видитъ и все объемлетъ? Представленія, гораздо живѣйшія самыхъ вещей, столь сильны, что

чувствительная душа не можетъ отъ нихъ защититься. Мирные жители небольшой долины бѣжали съ восхищенiемъ на встрѣчу Аспазiи, и разсматривали ея съ удивленiемъ, благословляя небо за ея возвращенiе. Она сошла съ лошади при воротахъ добраго Гринвуда съ живѣйшимъ движенiемъ. Первой предметъ, поразившей глаза ея, былъ планъ, ею рисованной; она тотчасъ вспомнила и копiю, которую снялъ съ него Милордъ Дервиль. Едва она сѣла, какъ доброй старикъ, жена его и дѣти окруживъ ея, начали говорить о добродушiи сего господина, по благоснисходительности котораго они наслаждались прiятною и спокойною жизнiю; но при всемъ томъ сожалѣли, что любезная ихъ Аспазiя не владѣла уже симъ помѣстьемъ; ибо хотя они и имѣли великое почтенiе къ Милорду Дервилю; однакожъ сiе не попрепятствовало имъ обожать всегда любезную Мисъ Гамбури.

Наша Героиня чувствовала, что опасно слушать похвалы, приписываемыя тому человѣку, котораго столь нужно забыть ей; она встала и простилась съ сими добродушными людьми.

Честный Томкинсъ былъ самой щастливѣйшій человѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ Аспазія получила опять свое имѣніе; потомучто былъ увѣренъ, что не увидитъ болѣе дѣлъ несправедливыхъ. Во время ея отсутствія вкрались многія злоупотребленія, о которыхъ онъ ея увѣдомилъ и съ согласія съ нею старался возстановить хорошей порядокъ. Сіи обстоятельства способствовали къ уменьшенію ея задумчивости; казалось, что попеченіе о благополучіи другихъ облегчало собственную ея горесть. Училище, которое она учредила, было запущено, потому что надзирательница онаго съ полгода какъ уже умерла, и такимъ образомъ все шло худо. Тогда госпожа Гутшинсъ пришла ей на мысль для занятія сего мѣста. Послѣ смерти Доктора Бернарда она жила только тѣмъ, что давалъ ей Милордъ Дервиль. Сія женщина имѣла достоинства, и была въ состояніи исполнять должность, къ которой Аспазія ея назначила. Предложеніе о томъ она приняла съ радостію, и тотчасъ пріѣхала въ замокъ. Видъ сей женщины поселилъ новую сильную горесть въ сердцѣ Аспазіи. Она разговаривала съ нею долгое время о почтенномъ

номъ своемъ другѣ, Докторѣ Бернардѣ; и не могла вновь обойтись, чтобъ не слышать отъ сей признательной и чувствительной женщины похвалъ Милорду Дервилю. Возможно ли, говорила она сама себѣ, что мнѣ должно его ненавидѣть, когда всякой находитъ въ томъ удовольствїе любить и почитать его.

Въ непродолжительномъ времени по прїѣздѣ въ замокъ Аспазїя отписала къ господину Траверсу и его сестрѣ о странномъ произшествїи, чрезъ которое получила во владѣнїе все свое имѣнїе. Подробное описанїе о семъ случаѣ показывало довѣренность, какую она имѣла къ ихъ дружеству; между тѣмъ однакожъ она отказалась отъ удовольствїя просить ихъ къ себѣ: ибо думала, что не могла позволить себѣ имѣть свиданїя съ тѣми людьми, которые по необходимости приближилибъ къ ней того человѣка, коего никогда не хотѣла видѣть. Она писала много любезной своей Аннушкѣ; но имя Дервиля тутъ не упоминалось. Къ увѣренїямъ своей привязанности и благодарности она присовокупила прекрасной подарокъ, состоящей въ фарфорѣ. Господинъ Траверсъ, которой нѣжно любилъ Аспазїю, по полученїи

ченіи письма сего хотѣлъ къ ней ѣхать. Онъ думалъ, что она какъ нибудь забыла о томъ попросить его; но Лади Анна судила иначе, и замѣтивъ принужденіе Аспазіи, съ каковымъ она убѣгала случаевъ говорить о Милордѣ Дервиль, сказала своему брату, что въ такомъ положеніи, въ которомъ находился его племянникъ и сія молодая особа, гораздо приличнѣе было совсѣмъ не ѣздить. И такъ, они удовольствовались съ своей стороны только тѣмъ, что поздравили съ благополучною перемѣною ея участи. — Боже мой! вскричала Аспазія, прочитавъ сіе письмо, такъ должно, чтобъ я не видала болѣе ни господина Траверса, ни Лади Анны, и съ ними раззнакомилась. Для чего я ихъ узнала, и какъ мнѣ позабыть ихъ? Но надобно покорствовать жребію и не думать болѣе о благополучіи. Оно было бы для меня весьма велико, естьли бы могла я жить съ Лади Анною и съ маленькою Аннушкою. Катерина и госпожа Валькеръ хотя были очень честны, и привязаны къ нашей Героинѣ; но не могли служить ей довольнымъ утѣшеніемъ. Разговоръ не можетъ быть весьмаваженъ и продолжителенъ между тѣми

людьми, которыхъ воспитанїе различно. Аспазїи потребна была прїятельница, которой бы могла она открыть свое чувствительное сердце; а благопрїятной случай не замедливъ доставить ей сего щастїя.

Послѣ того какъ Аспазїя установила опять порядокъ въ своемъ помѣстьѣ, то занялась небольшою долиною. Она весьма боялась, чтобъ не увидѣться опять съ Милордомъ, какъ онъ будетъ столь близкимъ ея сосѣдомъ. Для сего она препоручила господину Томкинсу отписать къ нему о томъ. Въ дѣлѣ не было никакого затрудненїя, выключая только двухъ хижинъ, построенныхъ Милордомъ Дервилемъ, дабы долина составляла четвероугольникъ въ слѣдствїе плана, рисованнаго Мисъ Гамбури. По полученїи письма отъ Томкинса онъ увидѣлъ ясно желанїе Аспазїи, удалить навсегда его отъ своего взора. Но не дѣлалъ однакожъ никакого препятствїя, а только отписалъ къ прикащику, чтобъ деньги, которыя онъ получитъ за землю, роздалъ поселянамъ. Къ общему удовольствїю торгъ немедленно былъ заключенъ и куплено 24 Октября въ самой день рожденїя Аспазїи; въ тотъ

день,

день, въ которой честной Гренвудъ желалъ выдать свою внуку Салли Бурражъ за дальняго ея родственника Аспазія совершила сватьбу. Щастливая чета, а вмѣстѣ и всѣ жители благословляли ея имя и имя Милорда Дервиля!

Глава LIV.

Пріобрѣтеніе.

Въ то время какъ Мисъ Гамбури выѣхала изъ замка къ Доктору Бернарду, и взяла съ собою свои вещи и пожитки, что они съ тѣхъ поръ и оставались у ея друга: теперь надобно было не только взять ихъ, но и приходъ снабдить добрымъ человѣкомъ. Она изобрѣла къ тому Брандона, которой долгое время былъ помощникомъ Доктору Бернарду; онъ происходилъ отъ хорошей фамиліи; но обремененъ былъ большимъ семействомъ и не имѣлъ ничего, потому что женясь противъ желанія отцовскаго, не получилъ ни шилинга отъ своихъ родителей. По смерти отца всѣмъ имѣніемъ владѣлъ его братъ; хотя сего имѣнія едва доставало на содержаніе Баронскаго титла. Не смотря на то Баро-

ронетъ, любившей своего брата, посылалъ ежегодно по нѣскольку ему денегъ на воспитанїе дѣтей. Два сына сего помощника Бернардова были отправлены въ Индїю; а старшая дочь проживала почти весь годъ у своего дяди; но теперь находилась дома, потому что сдѣлалась больна. Сїе семейство жило въ приходскомъ домѣ при церкви Ворлингстонской: ибо Ричардъ Гамбури по смерти Бернарда пользовался только доходами, во ожиданїи какъ сынъ его Жамесъ придетъ въ состоянїе снять на себя все церковное служенїе.

Аспазїя не видала Мисъ Брандонъ съ самаго младенчества; сїе происходило не отъ того, чтобъ она рѣдко посѣщала сїе семейство; но отъ того, что какъ мы уже и сказали, что сїя молодая дѣвица выѣзжала рѣдко изъ дому Баронетова; и такъ Мисъ Гамбури по прїѣздѣ въ Воркингстонъ не мало обрадовалась увидѣвъ ея. Каролина Брандонъ была уже двадцати двухъ лѣтъ; лице ея было болѣе привлекательно, нежели прелестно; разумъ весьма просвѣщенной, поступки скромны и вообще предупредительны. Аспазїя примѣтила, что она не рѣдко погружалась въ глубокую задум-

чивость: сего было довольно, чтобъ тронуть ея сердце; она заключила, что найдетъ въ Каролинѣ то, что можетъ подружить ихъ. Да и въ самомъ дѣлѣ онѣ вскорѣ возымѣли привязанность другъ къ другу; но какъ были весьма разсудительны, то не спѣшили открыть тайныхъ своихъ чувствованій; потребно было напередъ познакомиться имъ покороче, и увидѣть свое дружество въ надлежащемъ совершенствѣ. Аспазія весьма примѣтила, что ея новая пріятельница была заражена нещастною страстію. Каролина равномѣрно догадывалась, что любовь занимала сердце Аспазіи; но сіе познаніе внутреннихъ чувствованій обязывало ихъ только къ взаимной услужливости; любопытстважъ ни та, ни другая ни мало не показывала. Случалось часто, что разговоръ ихъ принималъ тонъ задумчивости; и тогда Каролина предлагала своей пріятельницѣ заняться музыкою. Она имѣла весьма хорошей голосъ и Аспазія акомпанировала ей на арфѣ.

Честной Брандонъ весьма тронутъ былъ добродушіемъ Мисъ Гамбури, которая облегчала участь его семейства: потому что не только доставляла ему

Вор-

Воркингстонской приходъ, но отдала и Ректорство Гамбури, что обязывало его жить по шести мѣсяцовъ въ каждомъ мѣстѣ. Ничто не могло быть пріятнѣе сего распредѣленія, которое обнадеживало во всегдашнемъ обхожденіи Аспазію съ любезною Каролиною: ибо и самъ отецъ охотно согласился, чтобъ она всегда была съ нею, а къ нему пріѣзжала временемъ.

Такимъ образомъ онѣ отправились вмѣстѣ въ замокъ Гамбури и поѣхали туда къ Святкамъ. Аспазія сдѣлала большой пиръ, накоторомъ всѣ ея подчиненные и служители были угощены. Каролина раздѣляла труды съ Мисъ Гамбури; онѣ старались всевозможно утвердить спокойствіе и дѣятельность добрыхъ нравовъ во всемъ владѣніи. Всѣ тѣ, которые хотѣли работать, жить честно, дѣйствительно ни въ чемъ не имѣли недостатка; а тѣ, которые приличились въ дурныхъ поступкахъ были высылаемы. Аспазія выслушивала всѣ жалобы, и своею нѣжностію успѣвала почти всегда прекращать несогласія, которыя происходили иногда между ея подчиненными. Внутри дома управляла отъ части Каролина; и сіи двѣ пріятельницы

равно занимающїяся, не только не могли чувствовать скуки, но находили при непрестанномъ исправленїи добрыхъ дѣлъ несказанное услажденїе въ тайныхъ своихъ горестяхъ. Одна праздность портитъ и разслабляетъ душу; а всегдашнее помышленїе о горестяхъ дѣлаетъ насъ неспособными къ ихъ понесенїю!

Въ одинъ день, когда Аспазїя была въ библїотекѣ съ прїятельницею своею, Каролина вынимала многїя бумаги изъ своей записной книжки, желая найти стихи, которые любила и хотѣла положить на музыку; но услышавъ прїѣздъ кареты, и не сомнѣваясь, чтобъ то не были гости, она тотчасъ положила бумаги свои въ карманъ и пошла къ прїѣзжимъ. Ввечеру, какъ всѣ уѣхали, Аспазїя возвратилась въ библїотеку, и увидѣвъ на полу небольшую бумажку, подняла ее: ни надписи, ни печати на ней не было, и потому она развернула ея. Но сколь велико было ея удивленїе, когда увидѣла полуличной портретъ Милорда Дервиля, очень хорошо нарисованной и весьма сходной? Ясно можно было видѣть, что не льзя кому другому, кромѣ Каролины, обронить его въ кабинетѣ; но какимъ образомъ она полу-

лу-

лучила его? Не уже ли Дервиль подарилъ ей, стараясь обольстить невинное сердце сей молодой дѣвицы? Естьли такъ, то сколь презрѣнной человѣкъ онъ былъ въ свѣтѣ! А пазія отдала бы все, чтобъ узнать истинну, но распрашивая Каролину, могла бы оскорбить ея чувствительную душу. Можетъ статься, что она не знала, что Милордъ Дервиль былъ женатъ; но каковыбъ ни были сіи обстоятельства все однакожъ она его любила. Увы! вскричала, заплакавъ Аспазія, я надѣялась, что узнавъ предметъ любви моей пріятельницы, могу споспѣшествовать къ ея благополучію; но и сіе утѣшеніе для меня теперь изчезло; она также, какъ и я, есть жертва слишкомъ нѣжной привязанности. Сіе напоминаніе о самой себѣ заставило ея вновь проливать слезы. Препроводивъ долгое время въ печальнѣйшихъ размышленіяхъ, она стала думать наконецъ, какимъ бы образомъ возвратить портретъ своей пріятельницѣ. Лучше всего показалось ей, чтобъ положить его на то же мѣсто, гдѣ его нашла. Послѣ сего безъ всякаго принужденія она опять привела Каролину въ кабинетъ. Сія послѣдняя лишь только

увидѣла бумагу, лежащую на полу, то тотчасъ подняла ее безъ малѣйшаго однакожъ движенія, и положила въ карманъ. Аспазія не имѣла довольно бодрости, чтобъ сказать хотя одно слово; а потому вышедъ изъ кабинета, пошла въ садъ, дабы оправиться такъ, чтобъ и ея пріятельница не взяла никакого подозрѣнія. Но то было очень трудно: глаза ея весьма покраснѣли, и она казалась быть въ великомъ безпокойствѣ. Ужинъ былъ скученъ и молчаливъ; а на другой день поутру по блѣдности лица ея и то можно было примѣтить, что она ночь провела въ безсонницѣ.

ГЛАВА LV.

Объясненіе.

Каролину очень тронула перемѣна, произшедшая въ ея пріятельницѣ, но ей не возможно было узнать причины. Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ жили вмѣстѣ, она очень примѣтила нѣкоторую въ ней задумчивость; но того не льзя было никакъ вывесть изъ состоянія, въ которомъ она находилась; а притомъ Аспазія не получала никакихъ писемъ и по-

вольствѣ, которыябъ могли нарушить покой ея. И такъ, отъ чегожъ печаль столь сильно ею овладѣла? Чувствительная Каролина тщетно утомляла свой разсудокъ; и какъ никакимъ образомъ не могла узнать причины горестей своей прiятельницы, то изыскивала только средства къ услажденiю оныхъ, стараясь всячески занимать ея такими предметами, которые льстили ей и могли развеселить. Аспазiя, тронутая нѣжными ея попеченiями, принуждала себя иногда къ улыбкѣ; но видно было, что ея сердце стѣснено было печалiю.

Въ одинъ вечеръ обѣ прiятельницы пили чай у Ректора. Сей добродушной и честной человѣкъ всегда оказывалъ живѣйшую радость при видѣ Мисъ Гамбури, да и все семейство его старалось какъ возможно лучше принять достойную свою благодѣтельницу. Образъ спокойствiя и благоденствiя въ семъ домѣ былъ столь трогателенъ, что сильное произвелъ въ Аспазiи дѣйствiе. Она возвратилась домой не такъ задумчива, какъ прежде, и душа ея была спокойнѣе. Каролина увидѣвъ сiю перемѣну, такъ была рада, что за ужиномъ показывала болѣе веселости, нежели когда либо.

либо. Дворецкой, которой имъ подавалъ за столомъ, былъ старой и давнишней служитель; вниманіе, съ какимъ онъ оказывалъ, слушавъ сихъ двухъ молодыхъ особъ, было примѣчено Каролиною. Она вынула изъ кармана карандашъ съ бумагою, и не перерывая разговора, начала дѣлать полуличной портретъ сего человѣка. Какъ ужинъ кончился, то Аспазія вставъ, и нечаянно увидѣвъ бумагу, которая была еще на столѣ, пришла въ крайнее изумленіе, нашедши совершенно сходной портретъ своего дворецкаго. Такъ не было болѣе сомнѣнія: Каролина конечно знала Милорда Дервиля и его лице запечатлѣлось въ ея воображеніи, когда сдѣлала наилучшимъ образомъ портретъ его. Мисъ Гамбури осмѣлилась, однакожъ не безъ затрудненія, спросить у ней, часто ли она пользовалась тѣмъ дарованіемъ, которое теперь показала? Всякой разъ, отвѣчала она, когда видъ какого человѣка поражалъ меня или красотою, или особливыми какими нибудь чертами. — И вы всегда рисовали такъ удачно? — По крайней мѣрѣ я удержу подобіе, и чтобъ васъ увѣрить въ томъ, то покажу вамъ многіе портреты моей работы. Послѣ сихъ

 словъ

ѣловъ она вынула пагубную книжку изъ своего кармана; Аспазія покраснѣла. Можетъ быть, примолвила она, я никого не знаю изъ сихъ особъ? — О! извините меня; вотъ портретъ моего отца, это моей матери, а это моего брата двоюроднаго Брандона; что касается до сего четвертаго, продолжала она, вздохнувъ и закраснѣвшись, то это портретъ одного Дворянина, которой въ прошломъ лѣтѣ жилъ нѣсколько времени у моего дяди. Позволите ли мнѣ посмотрѣть его, любезная Каролина? Съ великою охотою, тѣмъ болѣе, что мнѣ не должно и беречь его, присовокупила она тихимъ голосомъ. Аспазія взяла оной дрожащею рукою, и волненіе души ея столь было велико, что съ трудомъ могла она развернуть бумагу, которая по ея мнѣнію долженствовала еще представить черты, столь пагубныя для ея спокойствія. Но сколь удивилась она, увидѣвъ черты Сиръ Жамеса Гавлея. Какъ вскричала она, это Сиръ Жамесъ Гавлей! Такъ вы его знаете, спросила Каролина, поблѣднѣвъ и трепеща, что довольно показывало то участіе, которое она въ немъ принимала? Да, отвѣчала Аспазія; я его видала нѣсколько

разъ; между тѣмъ нѣтъ ли у васъ другихъ портретовъ? — Есть конечно, сказала Каролина; вотъ портретъ друга Сиръ Жамеса и именно Милорда Дервиля. Человѣка самаго прекраснаго, которой притомъ имѣетъ столь почтенныя и любезныя качества, что не возможно не любить его, когда узнаешь. Но что вамъ сдѣлалось, дорогая моя Аспазія? Вы никакъ нездоровы? Можетъ быть для васъ слишкомъ жарко здѣсь? Пойдемте на свѣжей воздухъ! — Мнѣ скоро будетъ лучше, отвѣчала она: стоитъ только пробыть одной нѣсколько минутъ. — Простите меня, любезная моя Мисъ Гамбури, что не возможно мнѣ вамъ повиноваться и оставить васъ одну въ такомъ положеніи, какъ вы теперь. Я все сдѣлаю, чтобъ успокоить ваше сердце: скажите, что васъ тревожитъ, излейте свои печали въ грудь пріятельницы, которая не можетъ жить безъ того, чтобъ вы не были щастливы. Говоря такимъ образомъ, она обнимала ея колѣни. О! мой нѣжной и чувствительной другъ, сказала Аспазія, заключивъ ее въ свои объятія, изъ любви къ вамъ преодолѣю мои горести! Но не довольно ли для васъ

своихъ собственныхъ, потому что я вижу, что сердце ваше терзается безпрестанно. Всѣ мои горести изчезнутъ, вскричала съ живостiю Каролина; такъ я буду еще очень довольна, когда увижу, что довольна моя любезная Мисъ Гамбури. Скажитежъ мнѣ, Каролина, продолжала Аспазiя, знаете ли вы, что Милордъ Дервиль женатъ? Заикаясь произнесла она сiи слова; ея прiятельница смотрѣла на нее въ молчанiи; наконецъ начавъ говорить: простите ли вы меня, любезная Аспазiя, сказала она, что я принимаю смѣлость угадать ваши мысли? Вы думаете, что я не могла видѣть всѣхъ достоинствъ Дервилевыхъ, не испытавъ чувствованiй, которыя онъ внушать созданъ, и сiя мысль усугубляетъ сокровенныя ваши горести. Такъ, прервала Аспазiя, я боюсь, чтобъ не одинакую имѣли со мною участь; потому что я не могу болѣе скрывать отъ васъ чрезмѣрной моей слабости. Образъ Милорда Дервиля одинъ нарушаетъ спокойствiе дней моихъ. Сказавъ слова сiи, она залилась слезами. Каролина смѣшивая оныя съ своими, прижала ее нѣжно къ своему сердцу. Сiе признанiе, которымъ вы меня удостоили, сказала она,

она, заслуживаетъ всей моей довѣренности, и я съ радостїю открою вамъ всю мою душу. Милордъ Дервиль привлекъ все мое вниманїе; не льзя видѣть его, чтобъ чего не почувствовать; но Сиръ Жамесу Гавлею было предоставлено познакомить меня съ страстїю, которая безъ сомнѣнїя будетъ навсегда составлять мое злополучїе, потому что она безнадежна. Я имѣла однакожъ столько слабости, что питала ее, и даже льстилась, что и непротивно Сиръ Жамесу; а сїя мысль купно съ его прїятностями тѣмъ болѣе усилила къ нему чувствованїя. — Аспазїя почувствовала великое облегченїе послѣ сего признанїя; но любя горячо Каролину, не могла безъ сокрушенїя видѣть, что она равнымъ образомъ питала чувствованїя, которыя клонились къ ея злополучїю. Утѣшая ея, она сказала, что не можетъ порицать ея страсти, потому что Сиръ Жамесъ былъ свободенъ, и имѣлъ любезнѣйшїя свойства. Она не упомянула однакожъ о привязанности, которую онъ къ ней сначала оказывалъ, думая, что такая искренность ни къ чему не будетъ способна. Правда, что Сиръ Жамесъ отдавалъ весьма примѣтное

ное преимущество Каролинѣ предъ ея сестрами, которыхъ она во всемъ превосходила; и естьли бы расположенъ былъ въ то время, тобъ она сдѣлалась его женою; но какъ по связи своей съ Милордомъ Дервилемъ онъ узналъ Аспазїю, то почувствовалъ къ ней столь сильную страсть, что скоро позабылъ Каролину; и естьли когда воспоминалъ объ ней, такъ только для того, чтобъ радоваться, что не открывался ей совершенно. Вотъ какова слабость ума человѣческаго! О! легковѣрныя женщины, не льститесь, что легко можете овладѣть сердцемъ; оно скрывается отъ васъ въ ту самую минуту, когда чувствованїе души вашей воздвигаетъ ему жертвенникъ, и клянетесь быть всегда вѣрною!

Мисъ Гамбури продолжала разговаривать съ дорогою своею Каролиною. У насъ одинакїя чувствованїя, говорила она, и слѣдовательно одинакїя горести; намъ должно соединить свои силы, чтобъ преодолѣть свою слабость. Я думаю, да и надѣюсь, что вамъ легче будетъ то сдѣлать, нежели прежде; взаимная довѣренность, услаждая наши бѣдствїя, подкрѣпитъ нашу бодрость. Я имѣю еще

бо-

болѣе причинъ нѣжная и любезная пріятельница, чтобъ позабыть того, которой возмущаетъ мое спокойствіе; увы! давно уже очарованіе изчезло и прелестной образъ его не можетъ для меня болѣе существовать!

Каролина была столь великодушна, что не могла воздержаться, чтобъ не защищать Милорда Дервила, когда услышала, что винятъ его. Я не хочу оправдывать Дервиля, сказала она, въ проступкахъ предъ вами; однакожъ вы сами знаете, что никто не имѣетъ столь превосходныхъ достоинствъ; и тогда она вычислила всѣ его добродѣтели. Аспазія не прерывая, слушала, но когда Каролина окончила, то сказала: прискорбно, что я одна лишена удовольствія хвалить его. Но ктожъ бы и позабылъ такую обиду, какую онъ сдѣлалъ мнѣ? Послѣ сего, она сказала Каролинѣ, что получила отъ него письмо, столь противное правиламъ честности, что ничто не могло оправдать его. Ея пріятельница такимъ образомъ увидѣла себя принужденною согласиться съ нею, и думать, что ей должно было употребить всѣ силы къ изгнанію его изъ своего сердца. Она препроводила почти всю

ночь въ семъ разговорѣ; а какъ на другой день утро было очень хорошо, то пошли прогуливаться въ звѣринецъ. Тутъ принялись опять за вчерашнюю матерїю, хотя и не желали болѣе ею заниматься. Простодушныя и невинныя дѣвицы, вы обманываетесь, ибо горести становятся продолжительнѣе, когда вы говорите объ нихъ!

ГЛАВА LVI.

Новое приключенїе.

Каролина примѣтила, что не смотря на ея нѣжныя попеченїя, здоровье ея прїятельницы чувствительно уменьшалось; а великая худоба заставляла ее опасаться, чтобъ она не впала въ чахотку. Перемѣна воздуха было лучшимъ для нее лѣкарствомъ, и потому она убѣдительно просила, чтобъ тѣмъ попользоваться, пока погода стояла хороша; и онѣ отправились въ Бристоль. Чистой воздухъ, тѣлодвиженїе, а можетъ быть еще болѣе разнообразность предметовъ въ короткое время начали возвращать ея здоровье. Всякой день она прогуливалась въ горахъ и часто поутрамъ

ѣзжа-

ѣзжала верхомъ, либо въ одноколкѣ съ любезною своею Каролиною. Въ одинъ день, какъ онѣ возвращались послѣ довольно продолжительной прогулки, она увидѣла женщину, прислонившуюся къ дереву. Видъ оной устрашалъ ее, потому что она была такъ блѣдна, что легко подумать было можно, что она при послѣднемъ находилась издыханіи. Будучи тронута жалостію, она остановилась, и отдавъ вожжи своей пріятельницѣ, поспѣшно вышла изъ коляски, и побѣжала на помощь сей нещастной женщинѣ, которая при ея приближеніи затрепетала и испустивъ слабой крикъ, упала лицемъ на землю. Каролина увидѣвъ сіе, бросилась также къ нимъ, чтобъ помочь своей пріятельницѣ въ произведеніи ея намѣренія. Но какъ она испугалась, когда увидѣла, что Аспазія сама готова была упасть въ обморокъ! Она тотчасъ дала ей спирту, которой по щастію при ней находился. Незнакомая лежучи еще на землѣ, подняла голову, и встрѣтивъ глаза Аспазіи, отворачивалась. Такъ это она, она самая.......... вскричала наша Героиня; я вижу нещастную мою Шарлотту! О любезной и злополучной другъ! не уже ли ты не узнаешь меня? —

Не

Не называй меня столь драгоцѣннымъ именемъ, отвѣчала бѣдная Шарлотта: потому что и въ самомъ дѣлѣ то была она; предоставь меня моему жребію: я не заслуживаю ни вниманія, ни сожалѣнія твоего. Боги справедливы; я прогнѣвала небо и оскорбила всѣхъ тѣхъ, которые должны были быть для меня любезны. Я нещастна и прошу одной только смерти. — Нѣтъ; нѣтъ, вскричала Аспазія, моя Шарлотта своимъ раскаяніемъ заслуживаетъ всей моей нѣжности; я постараюсь возвратить ей здоровье; миръ и благополучіе могутъ еще быть ея участью. — О! нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она. — Каролина позвала слугу, и приказавъ подъѣхать коляскѣ, помогла сѣсть Шарлоттѣ. Аспазія держала ея въ своихъ объятіяхъ до не большей хижины, потому что слабость ея не позволяла имъ ѣхать далѣе. Тутъ жила добродушная женщина, которая уступила охотно свою постелю бѣдной больной. Первое попеченіе клонилось къ тому, чтобъ достать бѣлья и всего нужнаго для своей пріятельницы; по томъ призванъ лѣкарь, которому не сказано однакожъ ни имя, ни достоинства Шарлотты. Аспазія сказала только, что особа, которую онъ видѣлъ въ

толь жалостномъ положенiи, жила среди знатности и богатства. Крѣпительныя лѣкарства, ей данныя, казалось, возвратили ее нѣсколько къ жизни. Аспазiя нетерпѣливо желала знать, какой нещастной случай могъ довесть ее до такой бѣдности, въ которой она ее нашла; но опасаясь возобновить ея горести, она сохранила молчанiе, и довольствовалась только тѣмъ, что каждой день по нѣскольку часовъ проводила, сидя при ея постели. Лѣкарь, котораго она часто спрашивала, скрылъ отъ нее, что видѣлъ великую опасность въ состоянiи больной, и что не могъ даже льститься, чтобъ возвратить ей жизнь. Она сама казалось была увѣрена, что конецъ ея приближался; и въ семъ чаянiи просила усильно Аспазiю отписать за нее въ Беркширъ. Естьли я получу прощенiе отъ моего отца, говорила она, то умру гораздо спокойнѣе.

Увидѣвъ, что ея чувствительность возбуждалась, Аспазiя спросила у ней: помнитъ ли что она о своей дочери. Помню, вскричала она, обливаясь слезами, и знаю, что при услышанiи одного моего имени, она будетъ нещастна. Увы! я имѣю и мужа, котораго оскорбила,

ко-

котораго не любила никогда. . . . . Всѣмъ, что долженствовало быть для меня дорого и священно, всѣмъ пожертвовала подлѣйшему человѣку. Завтра, естьли силъ моихъ станетъ, я раскажу тебѣ любезная Аспазія печальную мою повѣсть, и ты увидишь, сколько я виновна. Я не получила при воспитаніи твердости разсудка, которой ты всегда имѣла; и потому будучи побѣждена своею слабостію, сдѣлалась жертвою самаго безчестнаго человѣка! — Аспазія по ея прозьбѣ отписала къ Лади Аннѣ Траверсъ, такъ какъ и къ господину Бромлею. Она увѣдомила ихъ подробно, какимъ образомъ повстрѣчалась съ нещастною Шарлоттою; изобразила имъ чувствительнѣйшимъ образомъ ея чистосердечное раскаяніе, и просила ихъ о благосклонномъ отвѣтѣ, по которомубъ она могла увѣрить умирающую свою пріятельницу о всеобщемъ прощеніи.

ГЛАВА LVII.

Прекрасная кающаяся.

На другой день очень рано Шарлотта по обѣщанію своему собрала всѣ

силы,

силы, чтобъ расказать Мисъ Гамбури о своихъ нещастіяхъ; она хотѣла, чтобъ и Каролина притомъ находилась. Я желала бы, говорила она, чтобъ всѣ молодыя дѣвицы знали о моихъ заблужденіяхъ и порочномъ поведеніи! Примѣръ мой защитилъ бы ихъ, можетъ быть, отъ тѣхъ пагубныхъ сѣтей, которыя безпрестанно имъ встрѣчаются!

Я не сомнѣваюсь, любезная Аспазія, чтобъ по пріѣздѣ въ Портманъ Скваръ ты не примѣтила тотъ же часъ преимущества, которое отдавала я подлецу. Я помню также то, что дружба твоя ко мнѣ заставляла говорить тебя; и естьли бы я была столь благоразумна, чтобъ тебѣ повѣрила, тобъ не была виновнѣйшая и нещастнѣйшая изъ женщинъ. Но я была безъ правилъ, и добродѣтель знала только по имени; и потому Полковнику Говичеру и Ладиі Марсденъ трудно ли было обмануть меня? — Сначала я имѣла въ виду одно удовольствіе. — Сей Полковникъ былъ человѣкъ, живущей по модѣ, и за которымъ гонялись всѣ женщины: слѣдовательно привязанность его ко мнѣ пріятна была моему самолюбію. Я не думала любить его, но желала только, чтобъ онъ

за-

занимался мною; дурныя мысли, которыя ты объ немъ имѣла, заставили меня обходиться съ тобою гораздо скрытнѣе, и увидѣвъ малое сходство между нами, я почувствовала, что болѣе въ состояніи бояться тебя, нежели любить. Я не скрыла того и отъ Полковника, и даже заставила его обходиться съ тобою осторожнѣе. Правда, что то послужило ему великимъ поощреніемъ, но онъ по хитрости своей тѣмъ не воспользовался. Но мнѣ не должно однакожъ для извиненія своихъ поступокъ приводить сихъ обстоятельствъ: напротивъ того и даже увѣрена, что замужняя женщина не можетъ быть обманута, когда сама того не захочетъ! Сколь ни порочен былъ Полковникъ, однакожъ не думалъ напасть на мою добродѣтель, пока я не показала своимъ кокетствомъ, что то легко для него. Правда, что сердце мое не было еще согласно съ моими поступками: одно удовольствіе досаждать моимъ знакомымъ, заставило меня дорого цѣнить мою побѣду. Увы! сколь многихъ людей благополучіе расстроилось отъ сей бѣдственной суетности! Ты знаешь, дорогая моя Аспазія, что Милордъ Дервиль былъ всегда наилуч-

лучшій и снисходительнѣйшій мужъ; слѣдовательно зависѣло отъ меня заслужить его нѣжность и почтеніе; но я должна признаться, къ стыду моему, что съ самаго начала нашей сватьбы изъ всѣхъ предметовъ, меня окружавшихъ, я менѣе всего въ немъ находила удовольствія.

Полковникъ Говичеръ хотя и очень былъ увѣренъ по моимъ поступкамъ о власти, которую имѣлъ надо мною; однакожъ не старался показывать того: напротивъ того являлъ видъ, что все зависѣло отъ моей воли, между тѣмъ какъ я не примѣчая того, была совершенно въ его волѣ. Милордъ Карбери для собственной выгоды увѣдомилъ меня за секретъ, что нѣжнѣйшая страсть привязывала тебя къ моему мужу. Я приняла такое извѣстіе съ довольною холодностію; но между тѣмъ не мало радовалась, увидѣвъ, по моему мнѣнію, что благоразуміе, которое ты всегда показывала, было только притворное, и что каковыбъ ни были твои замѣчанія на мой щетъ; но теперь не могла поносить моего поведенія. Ты помнишь, думаю, комедіи, которыя мы учили; мы хотѣли играть тайную же-

нитьбу и Тамерлана. Въ сей второй пїэсѣ Полковникъ Говичеръ взялъ роль *Монеза*; онъ изъявилъ мнѣ великое желанїе сыграть роль сїю хорошо; и потому просилъ меня (наканунѣ того дня, въ которой должно было играть, и въ которой сдѣлался пожаръ) пойти съ нимъ ввечеру на театръ, и посмотрѣть его игры. Я послѣдовала за нимъ съ радостїю. Онъ читалъ многїя мѣста, весьма страстныя и между прочимъ одно, которое произнесши совсѣмъ жаромъ чувствованїя, и присовокупивъ къ тому дѣйствїе, онъ взялъ меня въ свои объятїя. Его ласки (не безъ стыда я говорю сїе) воспалили въ душѣ моей огонь, которой до того времени мнѣ былъ не извѣстенъ. Свѣча, стоявшая подлѣ насъ, упала; я хотѣла бѣжать, но тщетно; восторги Полковника безъ труда восторжествовали надъ моею слабостїю. Сїе приключенїе, долженствовавшее поселить стыдъ и угрызенїе въ моемъ сердцѣ, произвело противное тому дѣйствїе: ибо отъ того только что умножилась любовь моя къ Полковнику, и я видѣла одно блаженство въ такомъ беззаконномъ союзѣ.

Вы

Вы помните, что пожаръ, которой безъ сомнѣнія произошелъ отъ свѣчи, принесенной нами на театръ, разсѣялъ насъ всѣхъ на другой день; но я надѣялась вскорѣ найти случай увидѣться съ Полковникомъ, безъ котораго не могла уже пробыть ни минуты.

Нѣтъ нужды мнѣ повторять тебѣ все то, что происходило до моего побѣгу: я должна сказать только, что меня принудило къ тому состояніе, въ которомъ находилась. Холодность, которую я оказывала къ мужу своему, родивши Аннушку, не могла мнѣ дать воли надъ нимъ: слѣдовательно не оставалось мнѣ другаго способу, какъ только уѣхать во Францію. Я уговорила къ тому Полковника, и какъ скоро все приготовлено было къ нашему отъѣзду, то я старалась завести ссору съ мужемъ; извѣстный балъ подалъ мнѣ къ тому средство; но я никакъ не могу простить себѣ тѣхъ колкихъ попрековъ, которые на вашъ счетъ при выходѣ своемъ учинила. Клянусь вамъ, любезная Аспазія, что я ни мало не думала, чтобъ они могли быть когда либо справедливы; осторожное Милордово поведеніе и ваша добродѣтель мнѣ очень были извѣстны; но я

находила въ томъ удовольствїе, чтобъ сдѣлать шумъ и увѣрить публику, что естьли я и поступила безразсудно, то меня понудила къ тому ваша связь съ моимъ мужемъ.

По великодушїю Милорда я жила всегда въ величайшемъ изобилїи, и потому могла взять довольно знатную сумму, не щитая множества дорогихъ каменьевъ. Лади Марсденъ поручено было доставить намъ пакетботъ; и такъ мы прїѣхали въ Дїепъ, а оттуда въ Парижъ. Нѣсколько мѣсяцовъ спустя, проведенныхъ въ разсѣянности, я легко примѣтила, что Полковникъ былъ не таковъ уже ко мнѣ; его никогда почти не было дома, а когда и приходилъ, то всегда бывалъ сердитъ и безчеловѣченъ. Издержки его такъ были безмѣрны, что кошелекъ мой скоро истощился; узнавъ о томъ Полковникъ, сдѣлался еще брюзгливѣе; тысячу разъ проклиналъ онъ ту минуту, въ которую взялъ меня съ собою. — О чувствительной другъ мой! присовокупила она, обращая рѣчь къ Аспазїи, понимаете ли вы, каково было тогда мое положенїе? Я уже очень дорого заплатила за свой проступокъ!

По случаю встрѣтилась я съ Сиръ Жамесомъ Гавлеемъ; онъ очень удивился, меня увидя, хотя онъ и слышалъ глухо, что я уѣхала изъ Лондона; однакожъ не могъ вѣрить, чтобъ я уѣхала съ Полковникомъ Говичеромъ. Я не скрыла отъ него моего положенія; оно показалось ему ужасно, потому что я принуждена была презирать того, для котораго пожертвовала честію и именіемъ. Узнавши отъ Говичера, что Милордъ Карбери очернилъ моего мужа въ глазахъ Сиръ Жамеса, изъ однаго удовольствія ихъ покорить, я почала за долгъ оправдать его предъ нимъ и объявила ему, сколь чистосердечно Милордъ Дервиль старался за него у любезной моей Аспазіи; что безъ сомнѣнія то многаго ему стоило, но что въ разсужденіи чистоты своихъ чувствованій онъ предпочелъ благополучіе своего друга. Я увѣряла его, что естьли вы и не приняли его предложеній, то сіе произошло отъ вашей разборчивости, когда вы не находили въ сердцѣ своемъ того отличительнаго въ разсужденіи его чувствованія, которое почитали всегда необходимымъ къ содѣланію супружества щастливымъ. — При

 семъ

семъ мѣстѣ Шарлоттина повѣствованія, бѣдная Каролина такъ была разстрогана, что Аспазія употребляла всѣ силы прервать сію матерію; но Шарлотта, ни мало не примѣчая дѣйствія, которое производили слова ея, продолжала такимъ образомъ: — Нѣжная привязанность, которую Сиръ Жамесъ всегда имѣлъ къ моему мужу, возвратилась съ новою силою; онъ тысячекратно благодарилъ меня, что истребила его предубѣжденіе, которое сдѣлало его нещастливымъ. Чтожъ касается до Мисъ Гамбури, сказалъ онъ, то я почти совсѣмъ восторжествовалъ надъ моею къ ней любовью; я почувствовалъ, что только взаимная привязанность можетъ составить благополучіе, и естьли я не имѣлъ на своей сторонѣ всей ея склонности; то былъ бы самой нещастной человѣкъ. Онъ присовокупилъ къ тому, что располагаясь вскорѣ возвратиться въ Англію, что по случаю узналъ, что одна прелестная дѣвица (которую одна Аспазія потемнить могла) благосклонно отличала его самымъ лестнымъ образомъ; и что естьли онъ увѣрится въ томъ, что прямо для нее дорогъ, то не замедлитъ совокупиться съ нею бракомъ

комъ и посвятить остатокъ жизни своей на то, чтобъ составить ея благополучіе. Объ пріятельницы изъявили сильное движеніе при сихъ послѣднихъ словахъ; но бѣдная Шарлотта, не примѣчая того, продолжала свое повѣствованіе. Домашнія наши смятенія отчасу умножались; Сиръ Жамесъ тщетно прилагалъ стараніе успокоить ихъ; у насъ почти не было больше денегъ: надлежало оставить Парижъ. Я впала въ жестокую болѣзнь въ небольшой деревенькѣ, не подалеку отъ Блуа, и родила тамъ мертваго младенца. Полковникъ воспользовался симъ временемъ, чтобъ меня покинуть. Я примѣтила то гораздо послѣ, ибо находилась въ крайнѣ опасномъ состояніи, и безъ призрѣнія нѣкоторыхъ милосердыхъ людей погибла бы совершенно. Но при помощи моей молодости они возвратили мнѣ жизнь. Оправившись отъ болѣзни, я увидѣла себя безъ денегъ; всѣ мои каменья были проданы, и мнѣ не осталось инаго средства, какъ продолжать безпорядочную жизнь. Я познакомилась съ молодымъ Ирландскимъ Офицеромъ, и жила съ нимъ нѣсколько времени; но какъ отецъ позвалъ его къ себѣ обратно, то я опять погрузилась

вѣ бѣдность. Здоровье мое, ни мало не приведенное вѣ прежнее состоянїе, разстроилось тогда совершенно, и гофшпиталь была моимѣ прибѣжищемѣ. Долго лежала я очень больна и имѣла довольно времени оплакать преступное свое поведенїе. Угрызенїе поселились наконецѣ вѣ моемѣ сердцѣ, и горькїя слезы текли безпрестанно при воспоминанїи моихѣ заблужденїй. Собравшись нѣсколько сѣ силами, я рѣшилась ѣхать кѣ моему отцу, и умереть, получивѣ отѣ него прощенїе. Нѣкоторые благодѣтельные люди снабдили меня деньгами для заплаты за перевозѣ, и я продолжала путь свой пѣшкомѣ, какѣ Провидѣнїе позволило мнѣ встрѣтиться сѣ наилучшею, сѣ божественною женщиною, которой бы мнѣ никогда оставлять не надлежало, и которая своимѣ примѣромѣ и добродѣтелью привела бы меня кѣ благополучїю, естьлибѣ я пользовалась мудрыми ея совѣтами. О! возлюбленная Аспазїя, присовокупила Шарлотта, можешь ли ты позабыть бѣдствїя, мною причиненныя и быть столько великодушна, чтобѣ простить мнѣ? Мисѣ Гамбури заключила ее вѣ свои объятїя, и расточала нѣжнѣйшїя ласки и многократныя увѣренїя

нія о своей дружбѣ. Нещастная Шарлотта очень ослабѣла отъ своего повѣствованія; лѣкарь объявилъ, что едва ли проживетъ она два дни. На другой день поутру прискакалъ нарочной и привезъ письмо отъ Лади Анны. Оно было цѣлебнымъ бальзамомъ для души нещастной Шарлотты, потому что была увѣрена, что отецъ и мужъ ей прощали. Она возвела къ небесамъ умирающіе глаза свои, чтобъ возблагодарить Бога за сію милость. Лади Анна писала между прочимъ, что чрезъ день она будетъ съ Милордомъ Дервилемъ подлѣ больной. Увы! сказала она, я того не желаю; какъ бы перенесть мнѣ ихъ присутствіе. Я чувствую свою слабость и завтра безъ сомнѣнія не буду болѣе существовать. И въ самомъ дѣлѣ она почувствовала сильные судорожные припадки; Аспазія держала ее въ своихъ объятіяхъ. Вышедши изъ сего положенія, она простерла къ ней руку, и произнесла слабымъ голосомъ: вы мнѣ доставили все то утѣшеніе, какого только я желать могла: теперь остается мнѣ одна прозьба. — О! любезная Аспазія! будь матерью моей дочери, но будь оною дѣйствительно. Милордъ Дер-

виль да обрѣтетъ въ васъ щастїе, которымъ достоинъ наслаждаться; не отрицайся составить благополучїя любезнѣйшаго изъ смертныхъ. По окончанїи сихъ словъ голова ея опрокинулась на грудь къ Аспазїи, и она скончалась

Сїе печальное зрѣлище исполнило горестїю душу двухъ прїятельницъ. Отдавъ нужныя приказанїя о погребенїи нещастной Шарлотты, онѣ поѣхали въ замокъ Гамбури. Еще до отъѣзду Аспазїя взяла на себя трудъ отписать къ Лади Аннѣ, чтобъ избавить ее, такъ какъ и Милорда Дервиля, отъ безполезной поѣздки. Въ продолженїе дороги Каролина вдалась въ глубокую задумчивость. Мисъ Гамбури, угадывая причину, силилась всячески истребить ея сомнѣнїя, и на сей конецъ увѣдомила ея обо всемъ, что произошло между ею и Сиръ Жамесомъ. Такое изъясненїе много ее ободрило. Она увидѣла, что Сиръ Жамесъ не имѣлъ никакого права на сердце ея прїятельницы; письможъ по прибытїи въ замокъ, ею полученное, совершило успокоенїе, и поселило даже въ душѣ ея сладчайшую надежду. Оно было отъ двоюроднаго брата ея Брандона, которой находился въ Парижѣ для

сви-

свиданія съ другомъ своимъ Гавлеемъ. Въ одинъ день, какъ онъ былъ вмѣстѣ съ нимъ: то случилось, что обронилъ одно письмо. Сиръ Жамесъ поднялъ его, и увидѣвъ свое имя, не могъ противиться желанію прочесть его. Оно было отъ Мисъ Брандонъ, которая откровенно увѣдомляла брата своего о нѣжной привязанности Каролины къ Сиръ Жамесу, и что сія нещастная любовь была причиною, что она отказала многимъ женихамъ, очень выгоднымъ. Такое открытіе произвело сильное впечатлѣніе въ сердцѣ Гавлея. Онъ не могъ не признавать внутренно, что отличное преимущество, которое онъ отдавалъ ей передъ другими, произвело въ сей молодой особѣ склонность къ нему; и какъ тутъ живо представились ему красота ея и совершенства, то онъ вмигъ рѣшился предложить ей свою руку. Несмотря на удовольствіе, которое причинило письмо сіе Каролинѣ, она ощущала нѣкоторое прискорбіе, боясь, чтобъ возобновленіе страсти въ Сиръ Жамесѣ, не было токмо дѣйствіе состраданія; но Аспазія ободряя ее, просила, чтобъ не помрачала предстоящаго ей благополучія, и изъявляла всю свою радость о соедине-

неніи

неніи ея съ такимъ человѣкомъ, къ которому сама имѣла всегда истинное почтеніе.

Какъ имѣніе Аспазіи было велико, то ей можно было снабдить приданымъ свою пріятельницу; ибо сверхъ пяти тысячь фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода съ земли ея, она имѣла еще шестьдесятъ тысячь наличными, до которыхъ и не прикасалась, потому что въ домѣ ея не было роскоши, хотя онъ и былъ всѣмъ изобиленъ. Съ самаго начала она завела въ немъ порядокъ и экономію; и такимъ образомъ соблюла для себя безпредѣльное щастіе, одолжать друзей своихъ и помогать нещастнымъ.

Съ великою нѣжностію и очень осторожно подарила она Каролинѣ десять тысячь фунтовъ. Сія молодая дѣвица преисполнена была живѣйшею за то благодарностію; но не ощущала при томъ онаго тягостнаго чувствованія, которое часто наполняетъ сердце одолжаемаго человѣка, внушая, сколько онъ ниже одолжившаго. Подарки отъ руки Аспазіи возвышали душу того, которой получалъ ихъ: потому что тотъ видѣлъ, что принимая ихъ, способствовалъ къ ея благополучію.

Для чегожъ сія великодушная и чувствительная женщина могла дѣлать все къ удовольствію другихъ, а собственное ея было несовершенно? Плачевная участь Шарлотты, о которой она еще проливала слезы, необходимо приводила ей на мысль и Милорда Дервиля. Она сожалѣла объ немъ, и не могла не удивляться добрымъ и благороднымъ его свойствамъ, которыхъ толь много видѣла опытовъ. Какъ можно, говорила она, чтобъ человѣкъ, коего дѣйствіями всегда управляли разсудокъ и честность, сдѣлался столь виновенъ въ разсужденіи меня? Сердце человѣческое непостижимо; ибо письмо сіе, сіе пагубное письмо будетъ всегда составлять мое нещастіе.

ГЛАВА LVII.

Важное посѣщеніе.

Каролина, не смотря на попеченія Аспазіи, не могла наслаждаться спокойствіемъ; сердце ея изобрѣтало тысячу сомнѣній. Не возможно, говорила она, чтобъ Сиръ Жамесъ отсталъ совсѣмъ отъ моей пріятельницы. Какъ можно перестать любить Мисъ Гамбури, прево-

восходнѣйшую изъ женщинъ? — Она даже начинала почти думать, что; естьли онъ способенъ сіе сдѣлать: то долженъ много потерять въ глазахъ ея. Таково было заблужденіе сей чувствительной души, добровольно себя обманывавшей.

Нѣсколько дней спустя по возвращеніи двухъ пріятельницъ въ замокъ; Каролина получила письмо отъ Сиръ Жамеса Гавлея, или лучше сказать журналъ его жизни съ той самой минуты, какъ онъ узналъ ея. Въ семъ журналѣ отданъ былъ вѣрной и откровѣнной отчетъ во всѣхъ его чувствованіяхъ. Онъ не скрывалъ ни страсти своей къ Аспазіи, ни того, что позабылъ было любезнѣйшую изъ женщинъ, ту самую; которая удостоила отличить его; и отдать ему преимущество предъ всѣми мущинами. Онъ признавался въ винѣ своей, и просилъ прощенія, клянясь, что съ той самой минуты, какъ сердце его возвратило свою свободу, онъ посвятилъ его ей совершенно, и желаетъ жить только для того, чтобъ любить ее и сдѣлать щастливою. Сіи увѣренія прогнали страхъ и сомнѣнія Каролины; и она предалась наконецъ совер-

вершенно пріятнымЪ мечтаніемЪ о будущемЪ своемЪ благополучіи. Она хотѣла даже отвѣтствовать на письмо СирЪ Жамеса, какЪ шумЪ отЪ кареты привлекЪ ея вниманіе. Она встала, чтобЪ посмотрѣть, кто пріѣхалЪ; но сколь велико было ея удивленіе и замѣшательство, когда увидѣла СирЪ Жамеса Гавлея, которой вышелЪ уже изЪ кареты, и подавалЪ руку МисЪ БрандонЪ? ВЪ сію минуту вошла кЪ ней Аспазія, но едва имѣла время ободрить свою пріятельницу кЪ принятію посѣщенія, о которомЪ уже доложили. СирЪ ЖамесЪ вошелЪ сЪ пріятностію. Простите ли вы мнѣ любезная МисЪ, сказалЪ онЪ Аспазіи, ту вольность, что я пріѣхалЪ кЪ вамЪ, не получивЪ на то позволенія? Добро пожаловать, отвѣчала она, простерши руку; для меня очень пріятно, что получаю случай изЪявить вамЪ все мое почтеніе, и видѣть васЪ столь же щастливымЪ, сколько вы того достойны. Что касается до Каролины, то смутясь и трепеща, она не выговорила ни слова на привѣтствіе, которое сдѣлалЪ ей СирЪ ЖамесЪ; едва она имѣла столько силЪ, чтобЪ обнять МисЪ БрандонЪ. Аспазія взявЪ сію послѣднюю

за руку, просила съ улыбкою за собою слѣдовать, говоря, что она вѣрно имѣетъ нужду въ нѣкоторомъ отдохновенiи. Идучи Мисъ Брандонъ увѣдомила Аспазiю, что Сиръ Жамесъ, какъ скоро узналъ о дружбѣ ея съ Каролиною, тотчасъ поѣхалъ въ замокъ, будучи въ томъ мнѣнiи, что чистота его чувствованiй окажется тамъ въ совершенной ясности, и что любезная его Каролина не усомнится болѣе о его нѣжности.

Каролина не долго замѣшкала приходомъ къ своимъ прiятельницамъ; видъ ея при вступленiи къ нимъ, возвѣщалъ удовольствiе ея сердца. Но сiе удовольствiе было умѣряемо прiятною застѣнчивостiю. Что касается до Сиръ Жамеса, то по полученiи увѣренiя, что его любятъ нѣжно, блистало въ глазахъ его веселiе и радость. Онъ проводилъ два дни въ замкѣ; и одно затрудненiе, которое встрѣтилось Аспазiи при расположенiяхъ, относительно къ сватьбѣ ея прiятельницы, было то, что Сиръ Жамесъ никакъ не хотѣлъ принять приданаго. Каролину, говорилъ онъ, я выбралъ самъ: ея сердце и рука замѣняетъ мнѣ все богатство. Чтобъ вы ни говорили, отвѣтствовала Мисъ Гамбури, но

но десять тысячь фунтовъ стерлинговъ принадлежатъ вамъ, и вы должны располагать ими. Каролина имѣетъ двухъ сестеръ, которыя безъ сомнѣнія не будутъ столь щастливы, чтобъ найти мужей столь же безкорыстныхъ, какъ Сиръ Жамесъ; и такъ пусть они въ замѣну того получатъ по пяти тысячь отъ руки своего великодушнаго зятя.

Вся фамилія Брандонъ пріѣхала въ замокъ; сердце ихъ едва могло выразить всю свою благодарность; своимъ щастіемъ, своимъ богатствомъ, всѣмъ они обязаны были Аспазіи, которая съ своей стороны ощущала утѣшительныя чувствованія, видя всеобщее удовольствіе. Какъ приготовленія къ сватьбѣ много занимали ее: то мало ей оставалось времени къ размышленію; каждой день былъ новымъ празднествомъ. Сиръ Жамесъ отлучился только для того, чтобъ все приготовить въ замкѣ Гавлей, куда ему надлежало отвести Каролину послѣ своей сватьбы. День для того назначенъ былъ къ 24 Октября, въ которой Аспазіи минетъ двацать одинъ годъ; а потому сіе было сугубымъ празднествомъ для всѣхъ жителей, почитавшихъ время сіе эпохою своего благополучія. Г. Бран-

Брандонъ далъ брачное благословенїе молодымъ супругамъ, и говорилъ при томъ весьма трогательную рѣчь Удовольствїе, распространившееся на ихъ лицахъ, было вѣрнымъ предвѣстїемъ щастїя, которымъ они вскорѣ насладятся.

ГЛАВА LVIII.

Дружеское предпрїятїе.

Цѣлую недѣлю продолжались увеселенїя въ замкѣ; послѣ чего фамилїя Брандонъ возвратилась домой, и забавы наступили не столько шумныя.

Въ одно утро Сиръ Жамесъ Гавлей, говоря о щастїи, которое предполагалъ вкушать всегда съ той самой минуты, какъ возложилъ на себя прїятныя узы, сказалъ Аспазїи, что ему одного только оставалось желать въ свѣтѣ, и что сїе желанїе относилось единственно къ ней; что съ такою любовью и почтенїемъ, каковыя онъ имѣлъ къ ней, ему не льзя было безъ огорченїя видѣть, въ какомъ волненїи находилось ея сердце.

Позвольте, любезная прїятельница, продолжалъ онъ, поговорить съ вами о сей матерїи. Не одинъ разъ я желалъ

того,

того, но гости, безпрестанно окружавшїе насъ, всегда лишали меня къ тому случаевъ. Я думаю, отвѣчала Аспазїя, что должна васъ выслушать, о чемъ вы говорить ни разсудили, исключая одно, о чемъ любезная моя Каролина конечно васъ увѣдомила, и вмѣстѣ о томъ, какъ бы то могло быть для меня непрїятно.

Я требую, сказалъ Сиръ Жамесъ, чтобъ любезная Мисъ Гамбури позволила говорить мнѣ обо всѣмъ безъ всякихъ условїй.

Лади Гавлей встала. Вы и безъ меня, сказала она, можете кончить ваши ссоры, и хотѣла выпти. Нѣтъ, любезная Каролина, сказалъ Сиръ Жамесъ, напротивъ того вы очень мнѣ нужны, чтобъ подкрѣпить мое намѣренїе. Да и я прошу васъ, сказала Аспазїя, не покидать меня. Сиръ Жамесъ принялъ на себя такую важность, которая приводитъ меня въ ужасъ. Какъ сударыня! васъ приводитъ то въ ужасъ, когда говоритъ съ вами лучшїй изъ друзей вашихъ? Чѣмъ я васъ могу увѣрить, что ваше благополучїе для меня столь же драгоцѣнно, какъ и мое собственное?

Вы слышали, сударыня, продолжалъ онъ, о встрѣчѣ моей въ Парижѣ съ не-

щастною Шарлоттою, и какЪ она вывела меня изЪ заблужденія о МилордѢ ДервилѢ, котораго несправедливо обвинялЪ я вЪ обманѢ; негодованіе на себя самого и сожалѣніе о томЪ понудила меня писать кЪ нему, и просить, чтобЪ простилЪ меня и возвратилЪ мнѢ свою дружбу. ОтвѢтЪ, полученный мною, былЪ таковЪ, какого я только желать могЪ. ОнЪ возобновлялЪ увѢренія о нѢжнѢйшей ко мнѢ привязанности, и что ни на минуту не переставалЪ любить меня, и заниматься моею участью. НѢжная и благородная душа его блистала вЪ каждой строкѢ письма его. ПріѢхавЪ вЪ ЛондонЪ, вЪ ту же минуту полетѢлЪ я обнять столь чувствительнаго друга. Но сколь удивился я, и какую почувствовалЪ печаль, увидѢвЪ блѢдной цвѢтЪ лица его и такую перемѢну, которая едва позволяла мнѢ узнать его? Глубокое уныніе изображалось во всѢхЪ его чертахЪ. ПримѢтивЪ мое изумленіе, увы! другЪ мой, сказалЪ онЪ, вся надежда быть щастливымЪ, навсегда для меня изчезла. Я сжималЪ его вЪ моихЪ объятіяхЪ, и просилЪ излить горести свои вЪ сердце друга, которой раздѢлялЪ ихЪ сЪ нимЪ,

и можетъ быть могъ облегчить ихъ. Нѣтъ! вскричалъ онъ, я долженъ умереть отъ суровости любезнѣйшей изъ женскаго пола, и умереть, не вѣдая, чѣмъ могъ оскорбить ее!

Аспазія при сихъ словахъ встала, и ходя въ великомъ движеніи по горницѣ, извинясь, сказала ему, Сиръ Жамесъ, мнѣ не возможно болѣе васъ слушать. — Онъ подбѣжалъ къ ней. Дорогая Аспазія! позвольте продолжать, и взявъ ея руку: клянусь вамъ, сказалъ онъ, что, естьли удостоите выслушать меня еще одну минуту: то никогда болѣе не буду говорить о томъ. Она сѣла опять; но столь была разстрогана, что часто принуждена была прибѣгать къ спиртамъ, чтобъ быть въ состояніи слушать далѣе. Я убѣждалъ моего друга, продолжалъ Сиръ Жамесъ, объявить мнѣ, какимъ чрезвычайнымъ случаемъ онъ навлекъ ваше негодованіе до такой степени, что вы лучше захотѣли подвергнуться всѣмъ опасностямъ, нежели согласиться опять видѣть его когда нибудь. Онъ клялся мнѣ всѣмъ, что есть свято и любезно для сердца человѣческаго, что страсть къ вамъ была всегда столь чиста, какъ и на безпредѣль-

ной нѣжности основана, и что сердце его никогда не могло имѣть хотя мало обидныхъ для васъ чувствованій. Онъ признался мнѣ только, что во время своего отчаянія осмѣлился открыть вамъ свою нещастную страсть; но что благородная и великая душа ваша простила его въ семъ непроизвольномъ преступленіи. Такъ безъ сомнѣнія я его простила, вскричала Аспазія; но сколькожъ послѣ того должна была разскаяваться, что была слишкомъ снисходительна, въ то время, какъ онъ признался мнѣ въ своей нѣжности. Я думала, что честность въ душѣ его могла восторжествовать надъ всякимъ другимъ чувствованіемъ. И какъ мнѣ можно было не уважать, и не почитать того человѣка, которой любивши меня, обѣщалъ убѣгать меня? Признаюсь вамъ, Сиръ Жамесъ, что я не только простила его въ любви; но даже чувствовала, что жизнь для меня не могла быть дорога безъ чувствованія, которое меня прилѣпляло къ нему. Мягкое сердце мое занималось тѣмъ, чтобъ ставить троны его добродѣтелямъ. Великій Боже! вскричалъ Сиръ Жамесъ, какаяжъ законопреступная рука могла ихъ испровергнуть!

тнуть! Какая жестокосердая власть употребила во зло вашу довѣрчивость! — Вся вселенная, сказала Аспазія, не могла бы лишить его моей привязанности. Онъ одинъ разрушилъ сію пріятную мечту. Ахъ! Сиръ Жамесъ, вы бы должны были пощадить меня въ семъ случаѣ, толико бѣдственномъ для моего покоя. По произнесеніи сихъ словъ источники слезъ покатились изъ глазъ ея. Нѣтъ, не можетъ статься, вскричала Каролина, бросившись къ ней на шею, чтобъ моя любезная Аспазія могла быть несправедлива. Мы не должны умножать мукъ ея. Моя довѣренность къ Милорду, сказалъ Сиръ Жамесъ, столь велика, что я не смѣю подумать, чтобъ онъ былъ виновенъ. Любезная Мисъ Гамбури въ разсужденіи излишней своей нѣжности безъ сомнѣнія увеличиваетъ его проступки. Я благодарна вамъ за ваше стараніе, отвѣчала она; оно есть знакъ честной и чувствительной души; но прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе, Сиръ Жамесъ, чтобъ сія печальная матерія никогда не входила впередъ въ наши разговоры.

Послѣ сего она вышла изъ комнаты. Разговоръ, которой имѣла, не только

ко не произвелъ въ ней лучшаго о Милордѣ Дервилѣ мнѣнія, но и умножилъ ея презрѣніе къ нему. Надобно, говорила она, чтобъ онъ ни малѣйшей въ чувствованіяхъ не имѣлъ нѣжности, когда думаетъ, что могу простить ему за письмо, имъ писанное, когда оно столь обидно, что я не осмѣлилась показать его лучшей даже своей пріятельницѣ.

Каролина, не смотря на союзъ, соединявшій ее съ Сиръ Жамесомъ, почитала за нескромность изъясниться съ нимъ о письмѣ, о которомъ думала, что оно весьма обидно для Аспазіи. И такъ, и послѣ разговора съ ней, онъ не зналъ, какое преступленіе сдѣлалъ другъ его; но не покидая желанія видѣть его невиннымъ, онъ рѣшился съѣздить къ Лади Аннѣ Траверсъ. Онъ не объявилъ женѣ о своемъ намѣреніи, а сказалъ только, что важное дѣло требовало его присутствія въ городѣ, и могло кончиться въ два или три дни. Открывшись Лади Аннѣ, онъ надѣялся, что имѣя больше власти надъ разумомъ Мисъ Гамбури, она можетъ получить отъ ней объясненіе. По пріѣздѣ въ Лондонъ онъ тотчасъ посѣтилъ сію госпожу. Милордъ Дервиль также у ней нахо-

находился. Онъ увѣдомилъ о своихъ покушеніяхъ преклонить Мисъ Гамбури и о маломъ въ томъ успѣхѣ. Милордъ Дервиль былъ вновь пораженъ толикою суровостью. Онъ изчислялъ всѣ свои прошедшіе поступки, и не находилъ ничего, въ чемъ бы могъ считать себя виноватымъ. Тетка его, хотя и расположена была ему вѣрить; однакожъ сказала, что не иначе берется за сіе дѣло, какъ съ такимъ условіемъ, что, естьли Мисъ Гамбури имѣла справедливыя причины на него жаловаться: то она всѣми силами будетъ защищать ее противъ него; но естьли онъ не виноватъ, то не менѣе употребитъ все, что только можетъ, чтобъ произвесть примиреніе. Господинъ Траверсъ, давно желавшій видѣть дорогую свою Аспазію, предложилъ сестрѣ отправиться немедленно въ замокъ Гамбури; и какъ она согласилась на то охотно, то они взяли съ собою и маленькую Анну, которой было тогда полтора года. Сиръ Жамесъ, чтобъ не дознались о причинѣ его путешествія, поѣхалъ напередъ, и прибылъ въ замокъ за день прежде до Лади Анны. Аспазія возвращалась съ прогулки верьхомъ, какъ увидѣла карету,

поворотившую къ подъѣзду. Первой предметъ, ее поразившій, была маленькая Анна. Она не могла ни мало опознаться въ семъ миломъ робенкѣ. Почувствовавъ весьма сильное движеніе, она сошла тотчасъ съ лошади, и подходя къ каретѣ, увидѣла ясно Лади Анну и ея брата. Сей послѣдней лишь только вышелъ, то и бросился къ ней въ руки. Ахъ! моя любезная Аспазія! говорилъ онъ, прижимая къ своей груди съ чувствованіями нѣжнаго отца, наконецъ я тебя опять увидѣлъ. Лади Анна обняла ее также съ величайшею нѣжностью. Мнѣ больше не льзя было, говорила она, противиться желанію васъ видѣть. О мой любезный другъ! мы ни на минуту не преставали любить васъ. Чувствительная Аспазія была тронута даже до слезъ расположеніемъ друзей своихъ. Она легко примѣтила, что то былъ заговоръ Сиръ Жамеса; но можноль было ей за то сердиться на него? Впрочемъ и визитъ Лади Анны ни мало не могъ показаться ей въ сіе время по чему-либо въ глазахъ свѣта противнымъ; она могла полагаться на нее во всемъ, что ни касалось до честности и благопристойности; и такъ ни о чемъ

болѣе

болѣе не помышляла, какъ наслаждаться радостью, которую внушало въ нее присутствіе нѣжныхъ друзей. Она стократно цѣловала Аннушку, которую научили выговаривать ея имя, и которая ласкалась къ ней со всѣми пріятностями невиннаго своего возраста. День протекъ въ засвидѣтельствованіяхъ нѣжнѣйшей другъ ко другу привязанности; и Аспазіи жилище ея показалось несравненно лучше, для того что украшали его друзья.

ГЛАВА LIX.

Объясненіе.

На другой день, тотчасъ послѣ завтрака, Лади Анна взяла Аспазію подъ руку, и просила ее показать свой звѣринецъ. Идучи туда, они говорили о всякихъ мѣлочахъ; когдажъ дошли до небольшой рощицы, то Лади Анна предложила сѣсть.

Хотя Мисъ Гамбури и могла предвидѣть, что будетъ предметомъ разговора; однакожъ ни мало не ощущала столько замѣшательства, сколько бы ей опасаться того должно было. Безъ сомнѣнія твердость ея намѣреній придава-

ла ей болѣе силы. Она рѣшилась никогда не отступать отъ оныхъ, и избравъ Лади Анну судьею своихъ поступокъ, не скрывать отъ нея ничего. Сія престарѣлая дама начала тѣмъ, сколь тяжело было ей переносить долговременную съ Аспазіею разлуку; но присовокупила она: я переносила ее терпѣливо, не сомнѣваясь, чтобъ ваши поступки не были слѣдствіемъ зрѣлаго разсужденія. Аспазія, не ожидая отъ нея вопросовъ, тотчасъ начала свое повѣствованіе съ той самой минуты, какъ увидѣла въ первой разъ Милорда Дервиля; она отдала вѣрной отчетъ во всѣхъ своихъ чувствованіяхъ; не скрыла ни силы, ни продолженія оныхъ; и дошедши наконецъ до того бѣдственнаго письма, которое составило ея нещастіе и распространяло на остатокъ ея жизни горесть и прискорбіе, вынула его изъ записной книжки, и отдала ей, проливая источники слезъ.

Лади Анна взяла письмо, и какъ начала читать его, то Аспазія вышла изъ лѣску, чтобъ прохладиться и успокоить себя. Сердце ея чувствовало униженіе при толикихъ знакахъ слабости. Лади Анна, пораженная ужасомъ при чтеніи

нїи письма, едва могла его окончить; она кликнула Аспазїю съ живостїю, и бѣгучи ей на встрѣчу, бросилась ей на шею. Нѣтъ, душа моя, говорила она, сїе безчестное письмо не отъ Милорда Дервиля: это совсѣмъ не его почеркъ. Что вы говорите, вскричала Аспазїя, поблѣднѣвъ и трепеща? Какой злодѣй могъ осмѣлиться..... Къ нещастїю я очень знаю сего злодѣя, прервала Лади Анна! Какъ можно было, чтобъ онъ до такого степени унизилъ священное имя отца! Но благодарю Небесамъ, племянникъ мой невиненъ. — Можетъ ли это быть, сказала Аспазїя? Ахъ! не оставляйте меня въ сомнѣнїи, чтобъ я могла возвратить ему мое почтенїе и нѣжность! Пусть лишусь я всего прочаго въ жизни. Я требую только сей щастливой извѣстности: одна она составитъ мое благополучїе. — Я могу, продолжала Лади Анна, увѣрить васъ въ справедливости того; у меня есть въ карманѣ письма отъ моего племянника. Она и въ самомъ дѣлѣ вынула много писемъ, и не трудно было усмотрѣть, что почеркъ ихъ весьма отличался отъ того, которое писано было къ Аспазїи; но сличивши его съ другимъ, которое Графъ Карбери писалъ недавно

къ

къ Г. Траверсу. Аспазія не могла болѣе сомнѣваться, чтобъ не онъ сдѣлалъ оной ужасной поступокъ, хотя рука нѣсколько и перемѣнена была, однакожъ не такъ, чтобъ узнать ея не можно было. Все сіе приключеніе казалось ей сномъ, отъ коего боялась она пробудиться. Надежда, поселившаяся опять въ ея сердцѣ, произвела въ ней такое волненіе, которое довольно было мучительно.

Но по объясненіи всего, когда всѣ друзья собрались вмѣстѣ: то начались взаимныя поздравленія по причинѣ толь щастливаго открытія. Сиръ Жамесъ особливо изъявилъ необычайную радость. Г. Траверсъ выпросилъ у сестры письмо, по причинѣ котораго столь несправедливо обвиняемъ былъ его племянникъ. Я хочу нѣсколько отомстить, говорилъ онъ, а притомъ и позабавиться.

Едва онъ произнесъ слова сіи, какъ подъѣхала къ крыльцу коляска. Богъ да благословитъ тебя, дочь моя, сказалъ онъ Аспазіи, взявъ ея руку, пожелай мнѣ щастливаго пути. — Кудажъ вы такъ скоро ѣдете? Не ужъ ли въ Лондонъ? — Такъ душа моя! Не ужъ ли ты думаешь, что могу оставить долѣе въ уныніи своего племянника? Право нѣтъ; за

за то увѣрь меня, что примешь его хорошо. Сказавъ сїе, и не ожидая отъ нея отвѣта, онъ сѣлъ въ коляску и поскакалъ.

ГЛАВА LX.

Заключенїе.

Лошади едва могли отвѣчать нетерпѣливости добраго Траверса, которой не хотѣлъ останавливаться ни для чего, чтобъ поѣсть, или выспаться, до тѣхъ поръ, пока прибылъ въ *Портманъ Скваръ*. Онъ нашелъ своего племянника въ лихорадкѣ; но какъ она происходила отъ волненїя и страха, что друзья его не успѣютъ въ возвращенїи добраго ему отъ Аспазїи мнѣнїя: то Г. Траверсъ полагалъ, что такая лихорадка не долго продолжится. Какъ скоро Милордъ Дервиль его увидѣлъ, то всталъ и побѣжалъ ему на встрѣчу; но примѣтивъ въ лицѣ его томность и великой безпорядокъ въ платьѣ, спрашивалъ съ жаромъ о его здоровьѣ. Я довольно здоровъ, отвѣчалъ онъ; но кой чортъ надоумилъ тебя дать мнѣ такую коммисїю? Такъ! вскричалъ горестно Дервиль, я напередъ уже зналъ, что труды ваши

ши будутъ напрасны. — Скажи пожалуй; о чемъ ты думалъ племянничекъ, когда писалъ это письмо? На, прочитай его; ты, я думаю, легко объ немъ вспомнишь?

Онъ прочиталъ письмо, и пришелъ въ величайшее замѣшательство. — Нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ, сроду я не писывалъ къ Мисъ Гамбури; я никогда не могъ на то отважиться. Но какъ вы, дядюшка, могли тому повѣрить, знавши что это не моя рука. Какой злодѣй осмѣлился написать это проклятое письмо. И ты будто его не знаешь, сказалъ ему дядя? Тогда разсмотрѣвъ по прилѣжнѣе черты, онъ не могъ болѣе сомнѣваться, чтобъ не Графъ Карбери писалъ его. О мой родитель! вскричалъ онъ, какъ вы могли позабыть себя до такой степени, и употребить такую хитрость, чтобъ сдѣлать меня послѣднимъ подлецомъ? Боже мой! сколько Мисъ Гамбури должна была презирать меня, меня ненавидѣть? Но дядюшка! выведеналь она совсѣмъ изъ заблужденія? Доброй Траверсъ расказалъ ему тогда все произшедшее, и примолвилъ наконецъ, что не сомнѣвался, чтобъ нѣжная Аспазія не принела его съ радостью. Дервиль хотѣлъ уже быть

быть у ногъ ея; но его дядя сказалъ ему, что хотѣлъ еще поѣсть и выспаться, прежде нежели поѣдитъ въ замокъ Гамбури, а притомъ и спать не ляжетъ прежде, пока не повидается съ любезнымъ своимъ зятемъ, съ Графомъ Карбери.

Въ самомъ дѣлѣ пообѣдавъ нѣсколько, онъ побѣжалъ къ нему, хотя племянникъ и удерживалъ его всячески. Нашедъ стараго Лорда въ постелѣ, одержимаго подагрою, онъ началъ потчивать его самыми ѣдкими насмѣшками, объясняя, сколь удивлялся тому, что такая дѣвица, какъ Мисъ Гамбури, которая имѣла столько же вкуса, какъ и разсудка, могла отвергнуть блистательныя предложенія, имъ учиненныя. Но принявъ по томъ видъ важной, онъ бросилъ къ нему на постелю подложное письмо. Тебѣ не было нужды, сказалъ онъ, прибѣгать къ сей послѣдней хитрости, чтобы сдѣлать себя подлецомъ въ глазахъ вселенной! Что касается до меня, то я не признаю тебя своимъ родственникомъ и сердечно сожалѣю о племянникѣ, что ты ему отецъ. Прощай! Наслаждайся какъ въ нравственномъ, такъ и физическомъ смыслѣ плодами добраго своего поведенія;

я надѣюсь, что болѣе въ жизни съ тобою не увижусь.

Онъ вышелъ за симъ немедленно, и возвратившись къ племяннику, обѣщалъ быть готовымъ къ отъѣзду завтра въ пять часовъ поутру. Милордъ Дервиль не могъ уснуть ни на минуту; онъ одѣлся до свѣту, и ожидалъ съ нетерпѣливостiю минуты отъѣзда; наконецъ они поѣхали. Въ продолженiи дороги разговоръ былъ стремителенъ и жарокъ. Милордъ Дервиль не могъ умѣрить восторговъ своей радости, помышляя о свиданiи съ любезною Аспазiею; однакожъ, говорилъ онъ своему дядѣ, худое мнѣнiе, которое она такъ долго обо мнѣ питала, можетъ быть охладило сiе сердце, въ которомъ я находилъ прежде толико доброты и чувствительности. Г. Траверсъ ободрялъ его, и изображалъ живыми красками предстоящее ему благополучiе. Никогда, воскликнулъ онъ, не было столь совершеннаго творенiя, какъ Мисъ Гамбури; она достойна троновъ и почтенiя отъ всей вселенной. Сердце Милорда Дервиля поглащало съ жадностiю всѣ сiи похвалы; но языкъ его едва имѣлъ способность обращаться: приближенiе къ

замку Гамбури произвело такое волненіе въ душѣ его, которое занимало почти дыханіе.

Не въѣзжая въ замокъ, Г. Траверсъ желая удивить скорымъ возвращеніемъ молодую свою пріятельницу, вышелъ съ племянникомъ изъ кареты. Одна Лади Анна ихъ увидѣла. Она побѣжала имъ на встрѣчу, и бросившись въ объятія Милорда Дервиля: небо справедливо, другъ мой, говорила ему, потому что наконецъ дѣлаетъ тебя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Она повела ихъ потомъ въ звѣринецъ, гдѣ Аспазія была съ маленькою Аннушкою. Милордъ Дервиль шелъ по слѣдамъ своей тетки и господина Траверса. Они подошли тихо къ рощицѣ, гдѣ Аспазія сидѣла, держа на колѣняхъ любезную Аннушку, и прижимая къ своему сердцу. Милое изображеніе любезнѣйшаго человѣка, говорила она, научи меня, какъ мнѣ поправить свою несправедливость? О! какъ я предъ нимъ виновата! проститъ ли онъ меня когда нибудь? — Пусть научитъ она лучше щастливаго отца своего, вскричалъ Дервиль, изобразить вамъ безпредѣльную нѣжность и благодарность его! и, упадши предъ нею на колѣни,

 про-

продолжалъ: одна сія минута, любезнѣйшая Аспазія, заглаждаетъ всѣ мои прошедшія горести. По томъ взявъ ея руку, покрывалъ тысячами поцѣлуевъ. Аспазія объята трепетомъ, смотрѣла однакожъ на него съ нѣжностію. Я очень много страдала, сказала она, когда думала, что вы виновны, и очень щастлива теперь, что могу возвратить вамъ свое почтеніе; я не могу сказать, свое сердце: увы! вы имъ всегда владѣли, не смотря на тщетныя усилія разума. Такое увѣреніе привело Дервиля въ величайшее восхищеніе; онъ заключилъ ее въ свои объятія, такъ какъ и маленькую Аннушку; давалъ имъ священнѣйшія имена, и присовокупилъ тысячу увѣреній о вѣчной любви. Слезы тихой и сладкой радости текли по щекамъ нѣжной Аспазіи. Они возвратились въ замокъ, гдѣ Сиръ Жамесъ и жена его имѣли удовольствіе ихъ поздравить. Веселіе было общее, всѣхъ сердца были довольны. Пріѣздъ Милорда Дервиля, извѣстіе о скороимѣющемъ послѣдовать бракосочетаніи его съ Мисъ Гамбури тотчасъ разнеслись по всѣму уѣзду. Они получили со всѣхъ сторонъ нѣжныя и искреннѣйшія поздравленія. Аспазія столько

была

была любима, что не льзя было не участвовать въ ея благополучіи. Между тѣмъ Лади Анна думала, что въ разсужденіи благопристойности надлежало отложить бракъ до Декабря мѣсяца, въ которое время исполнится двѣ трети года послѣ смерти Шарлоттиной. Она говорила, что промежутокъ сей можно было наполнить поѣздкою въ Батъ, что братъ ея и Милордъ Дервиль наймутъ тамъ особливой домъ, и что сіе не помѣшаетъ однакожъ проводить дни вмѣстѣ. Предложеніе сіе было всѣми принято; но до отъѣзду изъ замка Дервиль ходилъ съ Аспазіею въ небольшую долину. Какая радость! какое восхищеніе для добродушнаго старика Гринвуда, когда увидѣлъ онъ любезнаго своего благодѣтеля и прелестную Аспазію! О! вскричалъ онъ, я жилъ довольно, я могу умереть теперь съ покоемъ. Нѣтъ, сказалъ Дервиль съ жаромъ, и взявъ его за руку, нѣтъ старой другъ мой, надобно жить, чтобъ наслаждаться удовольствіемъ видѣть меня щастливымъ супругомъ сей обожаемой особы! О! сказалъ старикъ, наша прелестная госпожа не должна ни на минуту откладывать вашего благополучія. Она покраснѣла, и объявивъ ему, что

многія причины еще на нѣкоторое время тому препятствовали, съ величайшею чувствительностію присовокупила, что никогда не позабудетъ того, что во время тѣсныхъ ея обстоятельствъ Милордъ Дервиль сдѣлалъ ихъ совершенно щастливыми, и что свѣдѣніе о томъ было для нея великимъ утѣшеніемъ. Они оставили сихъ добрыхъ людей послѣ тысячи благословеній, внушаемыхъ благодарными ихъ сердцами. Дервиль каждой день находилъ новыя прелести въ любезной своей Аспазіи. Въ самомъ дѣлѣ чистая радость, которою было исполнено ея сердце, оживляла всѣ черты ея, и придавала имъ небесную выразительность. Духъ ея воспріялъ прежнюю свою веселость, но всегда умѣряемую чрезвычайною чувствительностію; а сіе дѣлало, что не льзя было слушать ее безъ нѣкотораго восхищенія. Нѣжные любовники провели три мѣсяца въ Батѣ посреди друзей своихъ; ничего не доставало къ ихъ благополучію, потому что они видѣли приближеніе того времени, въ которое будутъ соединены на вѣки. А сіе представленіе дѣлало имъ дни очень пріятными. Наконецъ минута возвращенія въ замокъ

Гам-

Гамбури настала, и они отправились всѣ вмѣстѣ. Фамилія Брандонъ слѣдовала за ними, и Милордъ Дервиль имѣлъ удовольствіе подвести къ олтарю владычицу всѣхъ своихъ желаній, женщину избранную его сердцемъ; наконецъ ту, которая одна могла составить его щастіе на землѣ! Когда вышли изъ церкви: то маленькая Аннушка бросилась на шею къ Милади Дервиль, и давъ ей пріятное наименованіе матери, произвела въ ней сладостнѣйшія чувствованія, какихъ она никогда еще не ощущала. Такъ, ты будешь всегда моя дочь, любезнѣйшая дочь, говорила она, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ! Милордъ Дервилъ, съ слезами умиленія, прижималъ ихъ ту и другую къ своему сердцу. Щастливый отецъ, щастливой мужъ! воскликнулъ онъ. Вотъ мои сокровища, мое богатство: больше я не желаю!

Многіе дни протекли въ празднествахъ, относительныхъ къ браку; потомъ прешедши къ спокойнѣйшей жизни, наши супруги съ пріятностію наслаждались привязанностію своихъ друзей, любовію своихъ подчиненныхъ, и всегда новымъ удовольствіемъ дѣлать добро во всемъ пространствѣ своихъ владѣній.

Конецъ II и послѣдней части.

